

МАЛИК
УРАЗБАЕВ

МОЛЧАНИЕ
ИМЕН

Малик Уразбаев

**МОЛЧАНИЕ
ИМЕН**

©2022

Оглавление:

Дебутербродиватор.....	3
7 000 001-й.....	4
Оно утонуло.....	18
Не горы, не овраги и не лес.....	81
Молчание имен.....	93
Похитители детств.....	111
В ожидании выстрела.....	115

ДЕБУТЕРБРОДИВАТОР

(рассказ-картинка)

На фотографии ярко-зеленый весенний газон во дворе многоэтажек; из газона торчит неразорвавшаяся ракета или авиационная бомба серого цвета, на ее боку видна выведенная белой краской надпись «Крым - не бутерброд!»

Под фотографией белым по черному:

Без мозгов не угадать,
Как слово вождя отзовется,
И сочувствие вряд ли найдется,
Если не будет своя подгорать...

7 000 001-й

«Вечером 21 декабря Дмитрия Петровича, простого сталиниста из Барнаула отправили в Москве к праотцам. Случайно. Шарахнули пустым хрустальным графином по башке, и он умер. Снаружи ни одной царапины, ни малейшей шишечки, но порядок внутри его головы нарушился, и свет потух.

Так закончился для простого барнаульского сталиниста Дмитрия Петровича спор с замечательным столичным сталинистом Федором Реомировичем о безвозвратных людских потерях в Великой Отечественной войне».

- Что это?

- Рассказ.

- Больше походит на криминальную хронику...

- Так это новая форма. Предельно лаконичная. Такое новое течение - постлитература. Сейчас же читать некогда, нужно идти... даже бежать в ногу со временем. Чтобы не было ничего лишнего, иначе слишком много букв. А у меня здесь все коротко и ясно.

- Что коротко, я вижу... Это, пожалуй, неплохо... А зачем он у тебя в Москву приехал?

- Так двадцать первое декабря, день рождения Сталина. Он целый год с пенсии откладывал, чтобы на билет хватило и еще на цветы. Он со своими гвоздиками из самого Барнаула ехал, чтобы лично их возложить на могилу.

- По-твоему, в Москве цветов не найти?

- Нет, цветов в Москве полно, но почти за год до описываемых событий, пятого марта в Москву ездил Семеныч, но без цветов, и он в палатке у вокзала всю оставшуюся пенсию хачам отдал и, пока он в полиции писал заявление, он в итоге опоздал на торжественное меропри-

ятие у Кремлевской стены.

- Семеныч - это кто?

- Это сосед Дмитрия Петровича по Барнаулу. Тоже простой сталинист.

- Понятно... Значит, этот Семеныч предупредил твоего героя Дмитрия Петровича, что в Москве на барнаульскую пенсию особо не разгуляешься, я тебя правильно понял?

- Да.

- Это неплохо, что у них такая взаимовыручка...

- Так они же сталинисты.

- А кто его по башке шарахнул?

- Так замечательный сталинист Федор Реомирович. Они же поспорили...

- Погоди, к самому спору мы еще вернемся. У тебя тут проблема с логикой. Зачем он его по башке хрустальным графином, если они сталинисты с взаимовыручкой?

- Так спор же, диспут, дискуссия, и в пылу спора он не смог сдержаться. Поэтому я специально уточнил, что это произошло случайно. Никто не хотел Дмитрия Петровича убивать. Такая ирония судь-

бы. Простой сталинист из провинции гибнет от руки замечательного сталиниста из Москвы.

- И в чем между ними разница? «Простой»... «замечательный»... это все эпитеты...

- Разница в том, что, во-первых, Федор Реомирович потомственный сталинист, так как его отец был конвоиром в лагере, то есть он не какой-то там Павлик Морозов, чтобы против своих любимых родителей идти, а во-вторых, он сталинист принципиальный, сталинист до мозга и костей, до последней буквы... Из-за этого их спор и разгорелся.

- Ты погоди со спором пока. А познакомились они как?

- Так на возложении цветов. Они случайно оказались рядом в одной колонне, когда к могиле шли. Там еще был приятель Федора Реомировича Рубен Фриденевич. Тоже замечательный потомственный сталинист. И когда они узнали, что Дмитрий Петрович приехал аж из самого Барнаула, то решили проявить сталинское гостеприимство и отвезли его в

парк искусств «Музеон», чтобы показать ему статую Сталина.

- Это которая без носа?

- Да, ее самую. Так вот там, у гранитного памятника, которому хулиганы нос сломали, Дмитрий Петрович растрогался и хотел выпить за здоровье вождя самогон, который он привез из Барнаула. Он же пенсионер, у него не было средств в магазине водку покупать, поэтому он сам гнал и взял с собой, чтобы в дороге... и чтобы помянуть.

- Но там же дети...

- Так ему Рубен Фриденович так и сказал... почти вашими словами, а Федор Реомирович, тот больше на порядок напирал, потому что товарищ Сталин такое безобразие никогда бы не одобрил.

- Это неплохо... про порядок... при Сталине за такое могли...

- Вот и я точно так же подумал. Какое может быть счастливое детство, когда на твоих глазах самогон хлещут?

- А самогон свой он в хрустальном графине вез? Не очень удобно...

- Нет, хрустальный графин был на даче у

Рубена Фриденевича. Его отец его еще в тридцать девятом году получил на складе, где добро врагов народа в хорошие руки распределяли.

- Погоди, ты только что сказал, что они в парк «Музеон» поехали...

- Это вначале было, а потом, когда они Дмитрию Петровичу пить самогон на глазах у детей строго-настрого запретили, они поехали на дачу к Рубену Фриденевичу, чтобы отметить день рождения Иосифа Виссарионовича и заодно новое знакомство. Все-таки не каждый день сталинисты из Барнаула в Москву приезжают.

- Пожалуй... Но дело-то у тебя зимой... двадцать первое декабря уже...

- Так у Рубена Фриденевича теплая дача. Ее в свое время тоже у врага народа конфисковали. Можно сказать, дача - это мостик между поколениями. И хрустальный графин тоже. Там не только графин, там еще много чего осталось из прошлой обстановки.

- Это неплохо... очень неплохо...

- Вот, а перед дачей они заехали в гру-

зинский ресторан и закупили там раз-
ной грузинской снеди и «Хванчкару»...

- Любимое вино Сталина...

- Да. Это чтобы все аутентично, то есть
взаправду было. У них и запись «Сули-
ко» была в исполнении сестер Ишхне-
ли...

- Это неплохо, что ты такие подробности
знаешь. Автору нужно досконально знать
своих героев, только тогда это правда
жизни... Хвалю. Далеко пойдешь. Мо-
лодцом. А почему название у рассказа
такое странное? Что это, семь миллионов
первый?

- Так спор же из-за статистики разгорел-
ся... На даче они принялись пить за това-
рища Сталина и за их счастливое дет-
ство... То есть у Дмитрия Петровича дет-
ство было не такое счастливое, как у Фе-
дора Реомировича и Рубена Фридэнови-
ча, потому что его предки лагерь не охра-
няли и к спецраспределителю допуска
никогда не имели, поэтому он просто
по-человечески радовался за своих
новых знакомых: значит, не зря его деда
с бабками, а потом отец с матерью тру-

дились не покладая рук, значит, кому-то это пошло на пользу...

- А этот Дмитрий Петрович, он тоже «Хванчкару» пил?

- Нет, он сослался на изжогу с гастритом, и тогда Рубен Фриденрович выставил тот самый хрустальный графин с водкой. От «Хванчкары» он никогда бы с таким жаром спорить не стал. Это все только от водки.

- Очень жизненно... Ну а о чем сам спор был? Ты там, кажется, что-то про статистику...

- Да, о военных потерях... Короче говоря, после воспоминаний о своем детстве, они принялись обсуждать международное и вообще положение, и как бы мудрый товарищ Сталин в том или ином случае поступил, какие бы шаги предпринял, и тут Дмитрий Петрович, который стахановским темпом добрался уже почти до доньшка графина, возьми да на свою беду и ляпни совсем не к месту, что Иосиф Виссарионович, спору нет, большого ума был начальник, не чета нынешним, но уж больно много людей в

войну уложил. Он про Великую Отечественную... Мол, что ни говори, а двадцать шесть миллионов - перебор будет. Вот тогда и разгорелся спор, потому что Федор Реомирович строго придерживался цифры, которую сам вождь лично озвучил в интервью корреспонденту газеты «Правды» и которая равнялась ровно семи миллионам человек, а это, согласитесь, сущий пустяк для такого важного исторического события, которое длилось больше четырех лет, если считать японских милитаристов. Евреи, те и то шесть миллионов насчитали...

- Ты знаешь... ты про евреев лучше не надо... Владимир Владимирович, он за евреев того... горой... А нашему издательству лишние проблемы не нужны... так что ты с этим...

- Так это не я, это Федор Реомирович...

- Он что, антисемит?

- Да нет, у него у самого отец... Это он только в качестве примера, чтобы цифры сопоставить. Семь миллионов и шесть миллионов. Разница же небольшая...

- А что второй? Как там его?..

- Рубен Фридэнович?
- Вот-вот... Он-то что?
- У Рубена Фридэновича и отец, и мать...
- Нет, я не об этом... Он-то что делал, пока эти двое спорили?
- Ничего. Знаете, бывают такие, которые все больше помалкивают, словно их это не касается. В общем, ни то, ни се. Он в это время вилкой в закуске ковырял и «Хванчкару» пил.
- Вроде, моя хата с краю... понятно...
- Короче говоря, разгорелся у них спор нешуточный. Каждый свое талдычил. Федор Реомирович все больше упирал на то, что, если ты настоящий сталинист, то негоже слова любимого вождя под сомнение ставить, что уж если товарищ Сталин сказал, что семь миллионов, то так оно и есть и ни одним человеком сверху, а Дмитрий Петрович свое гнул. У него такая особенность в организме с самого отрочества была, чем больше водки на килограмм живого веса, тем больше он горячился и ни за что не хотел уступать.
- Есть такие экземпляры... это ты верно

подметил... прямо пропорциональная зависимость от алкоголя...

- Да. Так вот... спорили они, спорили, один - одно, другой - другое, и в итоге схватил в сердцах Федор Реомирович со стола хрустальный графин, который к тому времени уже опустел, да как шарахнет Дмитрия Петровича по башке, и тот сразу спорить перестал и упал на пол, и тут же умер, не приходя в сознание. Вот.

- Да-а... Ей-богу, лучше бы он ужрался своим первачом прямо в «Музеоне» на глазах у детей... Они в своих смартфонах да планшетах и не такое видели... Или сидел бы в своем Барнауле...

- Я как-то об этом не подумал...

- А следовало бы... А с трупом что?

- Что с трупом?

- Как что? Куда эти два замечательных субчика труп потом дели?

- В железную бочку зачихнули, в которой дождевая вода собирается, и землей засыпали, а на следующий день подрядили чурку-гастарбайтера, и он эту бочку вертикально в землю вкопал. Всю целиком и даже с запасом. Рубен Фридэнович

потом ее еще перегноем присыпал и финиковую пальму туда посадил...

- Про пальму это ты что-то уже загибаешь... Где ты тут финиковые пальмы видел?

- Да нет, он ее сначала из косточки прорастил, а потом в бочку.

- Интересно... и, как я уже сказал, главное - очень жизненно... Ну-ка, дай-ка я еще разок пробегусь... Очень, очень неплохо... молодец... какой рассказище выдал... Я бы только заменил «шарахнет» и «башку»... Надо сделать более нейтрально... В нашем деле нюансы очень важны... интонация... понимаешь?.. Думаю, лучше будет «ударили по голове»... просто «ударили по голове»...

- Да, так тоже можно... Так, конечно, тоже хорошо будет... намного лучше...

- Чудненько... Теперь только одна констатация факта... Просто «ударили» и просто «умер»... А знаешь, я бы еще убрал про царапину и шишечку... Ни к чему тут это... Умер и все... а следы... все эти шишечки с царапинами... тут это лишнее... это для детектива хорошо, а

тут... Давай-ка это тоже уберем... и еще «вечером»... Какая нам разница, когда его по башке шарахнули... утром, вечером или ровно в полдень?.. Шарахнули и все дела... Что скажешь?..

- Ну...

- Ты не сомневайся... я плохого не посоветую... «К праотцам» тоже перебор будет... надо попроще... просто «убили»... Да и Барнаул тут совсем не к месту...

- Откуда же он должен приехать?

- Ниоткуда... Просто «простой сталинист»... из любого города или поселка... сталинист вообще, понимаешь?..

- Тогда что, и Москву тоже?..

- Правильно... Москву тоже уберем... Это будет просто спор двух сталинистов... Один «простой», другой «замечательный»... и никакой географической привязки, чтобы никого не обидеть...

- Я не собирался никого обижать.

- А мог бы... Сейчас чувства оскорбить - как два пальца... народ теперь пошел ранимый... деликатный... Ты это учти... на будущее...

- Хорошо.

- То-то... Что тут еще у тебя?.. Федор Реомирович... Реомюрович... Федя... Федя... Не нужен он тут... совсем не нужен...

- ?

- Шучу... не переживай... Федю Реомюрыча оставляем... Какие же вы авторы... даже шуток не понимаете... Теперь вроде все... ничего лишнего... послушай-ка сам: «21 декабря простой сталинист Дмитрий Петрович затеял спор с замечательным сталинистом Федором Реомировичем о безвозвратных людских потерях в Великой Отечественной войне, и его случайно убили: ударили хрустальным графином по голове, и он умер».

ОНО УТОНУЛО

- 1 -

В ленте новостей сообщили скупо: «...по неустановленной причине иномарка потеряла управление, протаранила ограждение моста и рухнула в реку, погибли водитель и пассажир, причины и обстоятельства ДТП выясняются».

На момент гибели водителю службы такси «Мы едем, едем, едем» Голубеву было пятьдесят семь лет, тридцать шесть из которых он провел за баранкой без единой серьезной аварии и без единого прокола, да и пассажиры ему всю дорогу попадались по большей части покладистые...

Помимо этого, он вырастил, воспитал и устроил в гараж столичной мэрии единственного сына Анатолия, достроил своими руками заложенный еще отцом двухэтажный дом на дачном участке в садоводческом товариществе «Красный светофор» и высадил на девяти сотках вокруг дюжину плодовых деревьев.

За работой ему не случилось обжечься, вытаскивая из одной охваченной пожаром квартиры двух маленьких детей, не было у него и чахоточного университетского товарища, чтобы содержать его в продолжение полугода, и тем не менее соседи и коллеги имели о Голубеве определенно положительное суждение и как один называли сперва «хорошим парнем», с годами - «хорошим мужиком».

Погибший пассажир Голубева Иванович был немногим старше. В свои пятьдесят девять он тоже как-то высадил раскудрявый клен зеленый на пионерском субботнике, выгодно обменял каменную дедовскую дачу в Красной Пахре, четырежды был в браке, дважды от-

цом, с перестройкой часто менял места приложений своих культурологических сил и талантов, подчас трудился в нескольких сразу, но в последние годы преимущественно лежал на софе да ел канопе, размышлял о насущном и тихо поругивал в социальных сетях и жестоковластную власть, и сверх меры покорный ей народ...

Ничего мало-мальски геройского в своей жизни он также не совершил. Впрочем, один поступок, несмотря на то, что отнести его к разряду подвигов совершенно невозможно, был поставлен Ивановичу в заслугу и тем самым положительно сказался впоследствии на его карьере и благополучии.

Случилось это в начале восьмидесятых. Неосмотрительная дерзость, свойственная многим легкомысленно настроенным молодым людям, привела Ивановича к тому, что он написал для самиздатовского альманаха эссе, в котором предложил рассматривать пред-изготовленные объекты Дюшана краеугольными камнями будущего коммунисти-

ческого реализма.

По случайному совпадению повестку из городского управления КГБ он нашел в своем почтовом ящике, когда с рюкзаком за спиной выходил из дома, чтобы за компанию с институтским приятелем присоединиться к археологической экспедиции на Алтае. Заполненный от руки бланк предлагал явиться в качестве свидетеля к сотруднику Цветову и в случае неявки грозил 182-й статьей уголовного кодекса. Испытанное Ивановичем в тот момент чувство ужаса осталось с ним навсегда, но в известной в его кругу байке, повествующей о том, как он два с лишним года скрывался по городам и весям от всемогущей конторы, об этом ничего не говорилось.

До рокового рейса по маршруту «аэропорт-дом» водитель Голубев и культуролог Иванович никогда не встречались и никаких общих знакомых никогда не имели. Для Голубева Иванович и ему подобные относились к категории «очкарик», «шляпа», вгорячах - «гнилой

интеллигент», для Ивановича все Голубевы проезжали не иначе как «шефы», «водилы», «бомбилы».

Органы внутренних дел утруждать себя долгим делом не стали, а коротко постановили, что ДТП произошло по неустановленной причине вследствие потери водителем Голубевым управления.

В сухом остатке - два утопленника и автомобиль на списание.

Поздним вечером Анатолий Голубев пил в кухне чай с малиновым вареньем. Он без малейшего признака нетерпения ждал, когда супруга освободит ванную комнату, и смотрел в окно, в котором отражались стены кухни, а на их фоне он сам с пузатой желтой в крупный красный цветок чашкой в руке.

В последние полгода это было его самое любимое время суток: умиротворение перед грядущим сном, когда наконец отступала от него, отпускала его главная его мысль, которая уже несколько месяцев никак не давала ему покоя. Он заранее знал, что назавтра эта его мысль к нему обязательно опять вернется и опять день-деньской станет мучить его и изводить, потому он безмерно ценил эту вечернюю передышку и старался прочувствовать как можно полнее каждую секунду своего безмятежного бодрствования.

Однако в тот вечер ему было не суждено ощутить даже первую тысячу секунд, -

его отвлек неожиданный для столь позднего часа звонок. Звонила, улыбнулась с фотографии на экране смартфона его мать; не сдерживая рыданий, она насилу выдавила стоявшее комом в горле предложение: «Толенька, отец убился в аварии». Анатолий ничего из сказанного не разобрал и хотел переспросить, но осекся на полуслове, - он вдруг совершенно все понял. «Батя...» - прошептал он сперва про себя и следом несколько раз совсем тихо, почти бесшумно повторил уже вслух, вникая в каждую букву слова, которым отныне не к кому будет обратиться, ведь теперь он сам стал старшим хозяином в доме. И чем дольше он перебирал на все лады слово «батя», тем глубже, как ему казалось, его вдавливало в сиденье углового диванчика, будто груз ответственности отца взаправду перекладывался на его плечи. Тем временем мать не переставала говорить и одновременно плакать, в какой-то момент она попыталась взять себя в руки: было слышно, как она, тяжело вздохнув, утерла свой всхлипывающий нос, но тотчас

после она заново бессвязно и неразборчиво запричитала, тут же сбилась и принялась повторять с начала, сбилась опять и в конце концов залилась горькими слезами.

Анатолий посмотрел на свое отражение в окне. Кстати, он был замечательно хорош собой. Свое лицо он отчетливо разглядеть не мог, в остальном же ничто вокруг него не изменилось: он все также сидел в кухне, перед ним стояла пузатая желтая чашка в красный цветок, и доносился шум воды, бьющей из душевой лейки в кафельную стену ванной. Он подумал о том, что какие-то несколько минут назад он еще ни о чем не догадывался и только по обыкновению ждал, когда Вера примет душ, потом вспомнил о дочери, которая уже спала и ведать не ведала, что ее любимого «деды Гриши» больше нет, и что его отсутствие придется как-то ей объяснять, что-то выдумывать... «Хотя, наверно, в семь лет дети уже все должны понимать... - продолжил Анатолий, - Наверное, уже все давно понимают как взрослые... почти понима-

ют... почти как взрослые...», - слово прервало стремительный бег его мысли и вернуло ее в исходную точку, в тот самый миг, когда он осознал, что сделался старшим в семье. Он с покорностью принял свой новый статус, и следом уже не Толенька, а Голубев-старший сухо прервал плач своей безутешной матери и как можно тверже произнес: «Не волнуйся, мама, я сейчас приеду».

Он быстро собрался: схватил с крючка вешалки в прихожей ключи от машины и пухлую барсетку с документами, накинул на плечи куртку и выскочил за дверь; только на площадке у лифта, засовывая руки в непослушные рукава, он вспомнил, что совсем забыл предупредить Веру, но немедля решил, что возвращаться не станет, а позвонит из машины, и она поймет...

В кабине лифта было темно, и стояла та особенная нестерпимая вонь, столь известная каждому горожанину, не имеющему возможности приобрести таунхаус или на худой конец квартиру в круглосуточно охраняемом здании.

Анатолий вырвался из душного подъезда на улицу и поспешил к автостоянке. Идти ему было немного; он даже знал, сколько шагов от двери его подъезда: ровно двести тридцать восемь в погожую погоду и двести семьдесят девять, когда шел проливной дождь, и приходилось обходить стороной грязные лужи. По дороге ему поминутно попадались пьяные, которых приходилось сторониться, увеличивая таким образом расстояние до цели в шагах. На двухсот шестнадцатом шагу Анатолий услышал, как где-то наверху, на последних этажах открылось настежь окно, и из него грянула «Шансоньетка», «Прошмандовка!» - тотчас заорал кто-то с другой стороны двора, и песня прервалась. Все это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы Анатолия.

Он быстро миновал границу автостоянки - будку с пожилым сторожем, но заговаривать с ним не стал, а только дежурно кивнул на ходу. Тот, оторвавшись от кроссворда, пристально взглянул, словно пробуравил всю фигуру его своими ма-

ленькими сверлящими глазами, после чего неожиданно крикнул: «Эй, ты чего это в тапках?!» Анатолий остановился как вкопанный, посмотрел на свои ноги и увидел, что и вправду он совсем не подумал переобуться. «Черт! - пробормотал он в смущении, - Как же я так?.. Совсем уже ничего не замечаю... К моим штанам непременно нужны кроссовки, хотя бы старые какие-нибудь, а не эти домашние тапочки. Никто так не носит... Если вдруг остановят, сразу заметят... Мелочь, но все равно неприятно... Скажут еще, что псих... Вот из-за таких дурацких мелочей всегда все идет не так...».

В машине Анатолий первым делом удостоверился, что все документы на месте. Это несколько успокоило его. «Если что, я им скажу, что у меня с батей... с отцом несчастье. В ДТП... Они, наверно, сами уже знают... А если еще нет, то свяжутся по базе, и им там подтвердят...» - рассуждал он про себя, проезжая под красно-белым шлагбаумом.

Когда он вырулил на широкую в

несколько полос ярко освещенную улицу, он уже почти совершенно взял себя в руки: в привычной среде Анатолий в некотором роде переставал быть собой, целиком перевоплощаясь в одного из участников дорожного движения; иногда ему казалось, что его тело начинает функционировать независимо от головы, в которой в тот же самый момент могло происходить все что угодно, могла терзать его главная его мысль, ничуть не мешая уверенной работе его рук и ног. И на первом светофоре его палец машинально нажал кнопку включения радио.

Ведущий новостей монотонным голосом зачитывал городскую сводку ДТП за последние сутки. Анатолий вздрогнул и прислушался к скупой информации пресс-центра ГИБДД. Сильно забилося его сердце, закрутились вихрем его мысли, откуда ни возмись вдруг родилась уверенность, что эта сводка непременно связана с бате́й, и потому передается она именно для него, для Анатолия Голубева, и что вот прямо сейчас ему все обо всем достоверно сообщат. Он не знал да

и не думал о том, как он распознает важную для себя новость среди прочих, но в глубине души чувствовал, что сразу же поймет, когда услышит о том самом дорожном происшествии, которое касается только его одного и никого другого. Ему пришлось ждать до самого конца выпуска, когда он наконец услышал «...по неустановленной причине иномарка потеряла управление, протаранила ограждение моста и рухнула в реку, погибли водитель и пассажир, причины и обстоятельства ДТП выясняются». У него закружилась голова: это была та самая идея, его главная идея, главная мысль, с которой он жил последние полгода...

Он поделился ею с отцом случайно, неосознанно, даже и не поделился вовсе, а, что называется, брякнул ни с того ни сего, попросту проговорился, вдруг проговорил свою главную мысль вслух.

Случилось это с неделю тому назад на дне рождения жены. Вечером, когда из гостей остались только родители и тесть с тещей, он вышел покурить в кухню и

совершенно не к месту и времени вдруг вернулся к обдумыванию своей идеи, он полностью ушел в свои мысли и не услышал, как за спиной появился батя, который по своему обыкновению сильно сжал ему плечо и по тому же обыкновению шутливо молвил: «О чем задумался, детина?» И Анатолий бесстрастно вывалил, что размышляет над тем, каким способом угробить какого-нибудь высокопоставленного чиновника столичной мэрии: подставиться под грузовик, врезаться в стену или съехать в реку с моста. В ответ батя взлохматил ему волосы и строго наказал неизвестному виночерпию, чтобы тот «этому больше не наливал». А через пару дней он неожиданно позвонил. «Ты это что... ты серьезно тогда сказал?.. Ну это... ты понял...», - спросил он голосом полным неподдельного беспокойства и следом еще более неожиданно предложил встретиться в любое удобное для Анатолия время и где-нибудь спокойно посидеть и поговорить за жизнь по душам... Не случилось.

Мысли Анатолия, и без того бес-
связные, стали мешаться всё больше и
больше, нестерпимый озноб вдруг затряс
его, он отпустил руль, повалился на пас-
сажирское сиденье и впал в беспамят-
ство.

Он вошел со двора, вышел из лифта на последнем этаже и поднялся на три пролета по лестнице. Маленькая закоптелая дверь на самом верху была открыта, за ней тянулся длинный широкий коридор, из которого в нос ударил запах то ли музея, то ли библиотеки.

Он чуть помедлил, потом несколько раз постучав по косяку, чтобы предупредить свое появление, зашел внутрь. Он огляделся и нашел, что квартира и вправду напоминает библиотеку и музей изобразительных искусств.

- Направляйтесь прямо, потом сверните направо, - было сказано женским голосом с интонацией автомобильного навигатора.

Он так и поступил и через полтора десятка шагов оказался в просторной светлой столовой. По центру ее перегородивал длинный стол, за дальним концом его располагалась молодая женщина, перед ней стоял мольберт, ножки которого были необычайно коротки, отчего холст

находился на уровне ее колен. Она оторвала свой взгляд от холста и посмотрела на него:

- Голубчик, вот и вы. Ну наконец-то, а я, признаться, решила, что вы уж совсем раздумали ехать. Вот и сон мне сегодня престранный снился...

- Я - Голубев. Голубев Анатолий. Я вам звонил.

- Как же, как же, разлюбезный вы мой, я все превосходно помню. Сметану привезли?

- Вот.

- Вы мой спаситель! Присаживайтесь, где вам удобней и обождите меня, я в каких-нибудь пять минут управлюсь, изволите курить - пепельницы на подоконнике.

Все это она сказала ровным тоном, словно произнесла заученные заранее реплики, и как ни в чем не бывало вернулась к живописи.

- Извините... я не хотел отвлекать...

- Не извиняйтесь. Наоборот, это замечательно, что вы вдруг появились. Как всем лентяям, мне необходимо, чтобы меня отвлекали, тогда я могу преспокойно ни-

чего не делать и к тому же иметь для этого оправдание. Вы же и будете во всем виноваты. Да-да. Ваше неожиданное появление с загадочным важным делом внесло смятение в хрупкую душу художника и нарушило гармоничную работу над полотном. Вы же, друг мой, появились по важному делу?

- По важному! По очень важному! Я - Анатолий Голубев, сын водителя, который вашего... с вашим отцом который... В общем, они вместе утопили тогда в его машине...

- Ах, это... Нелепый несчастный случай. Какая глупость - упасть в речку в центре города и утонуть на радость празднующейся публике, которая вместо того, чтобы броситься на помощь своему ближнему, снимала происшествие на видео.

- Они бы их все равно не спасли.

- Так полагаете?

- Нет. Да. В общем, я к тому, что я полагаю, что не спасли бы. Там такое место... Там... там наверняка...

- «Наверняка» - что?

- Чтобы наверняка... чтобы не спасли... Я ведь специально приехал, чтобы все вам рассказать. Что это был не несчастный случай.

- А каким же он, по-вашему, был? Право, счастливым его затруднительно назвать...

- Да. Нет. Я не то. В общем, я о том, что я уверен, что батя, в общем, отец мой, который за рулем тогда был, что он специально с моста упал... В общем, что это был не несчастный наезд на ограждение моста, а преднамеренный.

- Я правильно вас понимаю, что вы сейчас обвиняете своего отца? Своего родного отца?..

- Да. Правильно. В общем...

- Как это мило!.. Долг чести выше долга крови... Голубчик, но для подобных обвинений нужно иметь хоть какие, но все же твердые основания...

- Есть. Есть у меня такие основания. Я сам так хотел сделать...

- Позвольте, за что же ваша семья так моего родителя невзлюбила?

- Нет, дело не в них, не в ваших роди-

телях дело. И не в семье. Они вообще тут ни при делах. Это я. В общем, моя эта идея. Я таким способом сам хотел утопить чиновника какого-нибудь. Я в гараже мэрии работаю...

- Ну и топили бы своего чиновника себе на здоровье. Зачем же примешивать сюда своего родного отца и уж тем более абсолютно посторонних вам людей?

- Я никого не примешивал... Я не хотел... Я для того и хотел с вами встретиться, чтобы во всем разобраться. Чтобы понять. Понимаете, я случайно бате, в общем, моему отцу сболтнул, что собираюсь... в общем, чиновника... что, думаю, как бы его лучше, каким способом... в стену или... В общем, случайно как-то так у меня получилось. Трепанул лишнего... Непреднамеренная случайность. Я вообще не собирался никому ничего рассказывать и никого ни о чем предупреждать. Чтобы помешать не смогли. Хотел все сделать и... и все. И еще записку хотел оставить. В целлофане. Чтобы она не размокла.

- Словно послание в бутылке. А вы, ока-

зывается, романтик. И о чем же вы собирались написать в вашей непромокаемой записке?

- Пока не придумал. Не получается коротко обо всем написать. Не совсем коротко - совсем коротко я могу, а так, чтобы... в общем, чтобы главную причину ДТП сразу поняли. Для того чтобы не подумали, что это техническая неисправность была или еще там чего...

- Как это страшно, когда нас не понимают...

- Чего? А-а, да...

- И все же, голубчик, я не пойму цель вашего визита сюда, ко мне... Чем я могу?..

- Я хотел во всем вам признаться. Все вам рассказать. Что это был не несчастный случай. Что, скорее всего, это был... что это было преднамеренно...

- Что же, пусть так.

- Вы так спокойно говорите...

- А что ваше неожиданное известие меняет? Отца уж не воскресить. Или вы ожидали, что я накинусь на вас, вцеплюсь в волосы, выцарапаю глаза?.. В конце концов, ваш батя, как вы его называете,

тоже пал. Не будем затевать семейную вражду, дай руку, вот моя рука...

- Я не понимаю... Я хотел что-нибудь узнать о вашем отце... Чтобы разобраться... Я никак не пойму, с чего это батя?.. В общем, с чего бы он... почему он вашего?..

- Наконец-то! А я, право, решила, не скажет, духом не соберется... В общем, как вы говорите, вы хотели бы справиться, стоило ли его убивать? Я имею в виду моего отца...

- Нет.

- Да! Да. Совершенно так.

- Я не...

- Не тушуйтесь, друг мой. Не бойтесь называть вещи их настоящими именами...

- Я не понимаю, я просто не понимаю... Объясните... С нашего разговора тогда прошло уже больше недели, и у него за это время была куча пассажиров... Почему вдруг ваш... в общем, ваш отец?..

- Нет, это лучше всего! Вас послушать, так мой отец худший из этой кучи. Если вы за тем только пришли, чтобы бросить подобную гадость в лицо слабой без-

защитной женщине, то благодарю покорно. И я еще радушно приняла его! Как равного! Признала своим другом. Приветливо протянула руку... Блины напекла, дабы помянуть пращуров наших почивших вне времени... А зачем еще, скажите на милость, мне понадобилась сметана?.. Зачем она вообще нужна?! Там же сплошной холестерин. И вот... И в благодарность - худший из кучи... А значит... значит, что сама я... я... я... Ну что же вы молчите? Вы должны меня утешить, ободрить, должны мне сказать, что... что так получилось... вот так сложились обстоятельства... Правда же, ну скажите, голубчик вы мой, об обстоятельствах, которые просто так сложились... Скажите, что просто так получилось... вот так получилось, что ваш, так называемый, батя просто не успел встретить кого похуже еще раньше...

Она захохотала во весь голос, а дальше произошло событие абсолютно из ряда вон выходящее: у нее в руке оказался пистолет девятнадцатого века, дуло которого сперва взглянуло в его переносицу,

почти коснулось ее, затем медленно опустилось на уровень груди.

- Это настоящий «Лепаж». Точно таким же Онегин пристрелил Владимира Ленского. Впрочем, ты - не Ленский, и никакой дуэли не будет. Во-первых, мы из разных сословий, во-вторых, этого более чем достаточно... Молчишь? Голубев... Ана-то-лий. Ты хоть Пушкина, солнце русской поэзии, читал? Хотя бы в школе? Ну же! «Мороз и солнце, дуб зеленый, мой дядя самых честных правил, подруга дней моих суровых на берегу пустынных волн, я памятник себе воздвиг нерукотворный во глубине сибирских руд. О чем шумите вы, народные витии?» Нет? Никак? А на что тебе большевики бесплатное образование дали, а? Она отвела руку в сторону и выстрелила, после чего вернула пистолет в исходное положение.

- Все, он больше не выстрелит... - подумал он.

- Смотрите-ка, вот это он где-то выучил! Выстрелит, - твердо ответила она его твердой мысли и с сухим щелчком взве-

ла курок.

- Нет. Нет. Подождите... так не бывает... сначала пистолет надо перезарядить... пулю через дуло... а порох потом на полочку... Я знаю... я сайты про историю с оружием читаю... я пока не сошел с ума... я нет... я не...

- Неужели? А кто же еще станет шастать по гостям в домашних тапочках? К твоим брюкам непременно нужны кроссовки, а не эти... пантуфль.

Он посмотрел на свои ноги и удостоверился, что он и вправду все еще в тапочках, в тех самых, в которых впопыхах выбежал из дома, чтобы ехать успокаивать свою безутешную мать.

В сей же момент роковой «Лепаж» и вправду выстрелил без перезарядки точно в область его замершего сердца.

Иванович с тоской смотрел в овал иллюминатора на расплывшуюся в темноте кляксу яркого электрического света, на разбросанное вокруг нее несметное множество мерцающих золотых брызг, и никаких аналогий ни в живописном, ни в прочем ином изобразительном искусстве не находил, вернее сказать, не пытался их отыскивать. Это был непреложный признак того, что он пребывал в самом прескверном расположении духа: его тщательно подготовленная и расписанная чуть ли не по минутам поездка в итоге обернулась кошмаром наяву. Особенно угнетало его то, что причиной всему явился не просчет в маршруте следования, не досадный случай, от которого никто не застрахован, а его глупый каприз, то есть - он сам, собственной персоной, подобру-поздорову, на шестидесятом году жизни... «И надо же было под конец еще наткнуться на этого говнюка...» - при мысли о встрече с Вадькой Савкиным и об их ненужном разговоре,

который опять-таки он сам и завел, Иванович издал в глубине души протяжный стон, вырвавшийся наружу тяжелым глухим вздохом.

А поначалу все складывалось как нельзя лучше. В заранее оговоренный день он без малейших злоключений долетел с пересадкой до Кельна и передал себя на руки представителю известной урологической клиники в лице болтливой переводчицы-казашки из репатрированных немцев. Спустя сутки местное светило новейшим способом удалило ему аденому предстательной железы и пообещало, как пояснила бывшая сестра по дружбе народов, сто лет жизни.

После операции он с неделю отлеживался в фешенебельном отеле, из стен которого щедро делился с «фрэндами» и особенно с недругами острыми наблюдениями за немецкой повседневностью, а набравшись сил, пошел в незнакомый народ. Но сперва прилежно обошел все общеизвестные городские памятники архитектуры, посетил четыре художест-

венных музея, две картинных галереи и зоопарк; там он долго и с умилением смотрел на облепивших вольеры маленьких детей, и все в нем жило радостью и надеждой, надеждой на непонятно что, что вечно продолжаться не может...

Когда до запланированного отъезда оставалось чуть более двух суток, Иванович напоследок бесцельно шатался по городу, разглядывая без особого интереса фасады, вывески и витрины, и случайным образом, вероятно, свернув не туда или не там, вновь очутился у собора Св. Петра. Оценив в очередной раз грандиозность неоготики со всех сторон, и постановив однозначно, что в чистом русском поле храм выглядел бы куда более внушительней, он из одного лишь чистого любопытства зашел заодно на вокзал по соседству, где с порога наткнулся на броскую рекламу скоростного поезда из Кельна в Париж за 2 часа 22 минуты. Никаких насущных дел во французской стороне у него в помине не было, однако в голове неожиданно дунул ветерок хотя бы недолгих странствий, и

по скорому раздумью он приобрел у розовощекой кассирши билет в один конец, рассчитав, что улететь из Парижа можно всегда, к тому же прямым рейсом это будет для него намного удобней.

В отель Иванович возвращался в чрезвычайном возбуждении: железнодорожный билет жег карман, ему не терпелось тронуться в путь. Бог весть отчего он вдруг собрался звонить своим бывшим супругам, но по счастью скоро передумал, пока выбирал, которую из двоих вызвать первой, в итоге на полпути взаправду взялся звонить дочерям, чтобы справиться о здоровье внуков...

Старшая очень обрадовалась и заказала в подарок какому-то «одному очень хорошему знакомому» редкий одеколон, который нигде больше не продается и даже не высылается за пределы Шенгена по зловредности лягушатников, которые, недоумки, не знают, что теряют. Младшая на настойчивые три звонка не ответила. Она перезвонила сама, когда он уже пару часов отсидел за стойкой попавшегося по дороге бара, пытаясь пи-

вом со шнапсом унять туристический зуд; она тоже обрадовалась, пожелала ему счастливой дороги и под конец передала привет «желтым жилетам».

Иванович остался чрезвычайно недоволен общением с детьми и сосредоточился на предстоящем путешествии, представляя себе эдаким королем Лиром в бюджетном исполнении. Шекспира он не перечитывал со студенческой поры и ни одной строчки из пьесы припомнить не смог, на память пришли лишь разрозненные отрывки из затасканных по повседневности монологов, из которых он наскоро слепил «Слепец! Я в ком искал награду всех трудов!.. Так погибают замыслы с размахом, в начале обещавшие успех. Карету мне! Карету!» Произнеся реплику с должным выражением про себя, он махнул шнапса и принялся повторять ее еще выразительнее и еще чуть более того, но вдруг сорвался в голос... Он осекся и огляделся, - не увидел ли кто... Встретил взгляд смазливой девушки... или молодого парня - он не разобрал - с фиолетовой прядью, сере-

бристым колокольчиком в правой брови, в компании двух таких же, но с другим цветом прядей. Человек ему приветливо улыбнулся, а один из его спутников вдруг обернулся, что совершенно смутило Ивановича... до румянца на щеках. Он прикрылся высокой кружкой, мысли его завихрились, первым порывом было немедленно уйти, но, проявив не дюжее самообладание, он с самым независимым видом залпом допил свое пиво и только после этого немедля расплатился и, стараясь смотреть только в сторону выхода, стремительно вышел. «Это - гомики. Тут же везде одни только гомики...» - размышлял он по пути в кругло-суточный бар своего отеля.

Поутру Иванович к своему удивлению был вполне бодр и полон энергии: карой за долгий вечер была лишь мелодия студенческой песенки из 70-х, которая ниоткуда возникла и ни в какую не хотела отчаливать из головы, повторяясь снова и снова и на все лады. Он приехал на вокзал незадолго до отбытия поезда и занял свое место в вагоне

первого класса. Среди немногочисленных пассажиров ему сразу бросились в глаза два чернокожих в противоположном конце салона и в четырех рядах от них еще двое, те были смуглые и чернявые, по виду - дедушка и внучек. Первых он безоговорочно определил в «зайцы», о вторых же, отдав уважение почтенному возрасту старичка, благосклонно решил, что они по слепоте последнего ошиблись классом. Однако надежды его на сурового контролера, который по всей строгости закона восстановит должный порядок, неожиданно не оправдались: проездные документы чужестранцев соответствовали занимаемым местам, и ни они сами, ни их пребывание в вагоне первого класса не вызвало у добродушного на вид толстяка с квадратными очками на носу никаких возражений. Более того, Ивановичу показалось, что тот несколько дольше компостировал именно его честно купленный билет и с большим пристрастием вглядывался именно в его, Ивановича, честное лицо. Разочарованный в своих

ожиданиях, он в сердцах обругал контролера и отвернулся от абсолютно возмутительной, по его мнению, европейской действительности, обратясь к проносящемуся за окном пейзажу.

К досаде его, скоростной поезд шел слишком скоро. Только он пытался сосредоточить свое искусствоведческое внимание на полях, чтобы обнаружить, узнать там плуг и борону или женщину, выкапывающую картофель, или крестьянина, сжигающего сорняки, как позади уже был пролесок, дальше пастбище с коровами, а за ним что-то похожее на ферму из трех-четырех строений под рыжей черепицей, потом густой лес, пустырь, своей пустотой напоминающий милый родной, следом паркинг перед супермаркетом огромных размеров и вдруг на мгновение перрон вокзала какого-то маленького городка, чье название на скорости скоростного поезда невозможно распознать... Веки зорких очей его сами собой прикрылись, он задремал и увидел сон похожий на кинохронику братьев Люмьер.

Ему приснилась допотопная, будто из экранизации драмы Островского, пристань, и на ней множество зевак разного рода, племени и социального происхождения, наблюдающих за тем, как суетливые франты-фотографы в котелках направляют объективы своих мудреных аппаратов на писателя Чехова с портрета Браза, который на потеху окружающим позирует с веслом в руках эдак и так, играет им словно тростью, после раскланивается на три стороны и повторяет свой трюк, и снова раскланивается и... Дева с косой в сарафане подносит ему каравай, городничий с саблей, прямиком из «Ревизора», разливает золотое, как небо, «Аи», а тем временем за спиной уже отдал швартовы дымящий трубами пароход «Сахалин»...

Иванович сошел на перрон Северного вокзала и в тот же миг вспомнил, как его младшая просила передать привет «желтым жилетам». Боже, ему и в голову не пришло... «Что за манера?! Почему не сказать нормальным человеческим языком?» - подумал он, чтобы

самооправдаться. Из короля Лира он в своих же глазах превратился во вздорного старикашку, который не желает слушать мнение незнакомого племени. Впрочем, несчастье отнять у него было никак нельзя, поскольку на глазах его воспроизводилось прибытие в немецко-гитлеровский концлагерь: полиция и жандармы в темно-синей униформе при поддержке сине-черных космонавтов из французского экипажа перегородили выходы с перронов и пропускали прибывающих пассажиров по одному, проверяя попутно их ручную кладь; в стороне он увидел сваленные в кучу желтые жилеты, строительные каски, респираторы, какие-то баллоны и баллончики... Все это неприятно поразило его, и он начал сожалеть о своем спонтанном вояже, попутно обложив Париж с его левацкими лягушатниками. Когда подошла его очередь предстать перед дюжими церберами, Иванович с самым независимым видом протянул им паспорт с грозным сиамским орлом на обложке, но ажаны, предварительно обратившись к

нему и не получив ни слова в ответ, лишь снисходительно произвели визуальный осмотр русского туриста и пропустили его в город-свет вместе с брендовым кожаным чемоданом на бесшумных колесах.

За стенами вокзала оказалось ничуть не лучше: раскосый таксист не поддался ни на уговоры на незнакомом для себя языке, ни на гладкую зеленую банкноту, ни на добавленную к ней банкноту оранжевую и высадил Ивановича за пару кварталов от отеля, указав направление будущего пешего пути, на котором громоздились ограждения и все та же закованная в кевларовые латы полиция.

Более часа, обходя препоны и рогатки, плутал Иванович в клубах слезоточивого газа, оглушаемый выстрелами, звоном разбитого стекла, криками, звуком сирен... На полдороге одно из бесшумных колес чемодана вдруг заело, он принялся его починять и с омерзением обнаружил застрявший в нем оторванный палец. Палец, судя по яркому маникюру, еще совсем недавно был частью французской

женщины, хотя... Его едва не вывернуло на мостовую, хранившую память о Родене и Браке, тогда он окончательно проклял свою спонтанную туристическую затею, в голос назвав ее «идиотской», а затем обрушился всеми тремя этажами на жильцов Парижской коммуналки и отдельно на кладбище Пер-Лашез, где по сию пору лежат кровавые предтечи кровавых коммунистов, тех самых, которые одним летним днем пригласили его на беседу безобидной до ужаса повесткой.

Неприятное воспоминание на мгновение отозвалось в Ивановиче тогдашним чувством страха. Совершенно разгоряченный, он вознамерился немедленно расплатиться - плюнуть на все их могилы в буквальном смысле, однако, только он добрался до своего номера, жажда мести угасла, в итоге, плюнув на все фигурально, он забронировал билет до покойного родного пепелища на ближайший рейс, после чего без разбора и вперемешку взялся за мини-бар, а следующим днем отправился в аэропорт задолго до отлета,

и только там, под защитой вооруженных до зубов армейских патрулей, он вздохнул спокойно: осталось лишь терпеливо дождаться начала регистрации.

Иванович прошелся по терминалу, у газетного киоска повертел в руках сувениры, издали посмотрел на обложки журналов и книг и со скуки двинул в ресторан. Не успел он усесться, устроить на постой чемодан и принять от официанта меню, как кто-то рядом вдруг воскликнул: «Ба, ба, ба! До слез знакомый образ!»

К его изумлению этим кем-то оказался Вадька Савкин - с правой рукой на перевязи и знакомым фотоаппаратом на раздавшемся вширь животе. В девяностые им много и почасту случалось сотрудничать в появлявшихся, словно грибы после дождя, глянцевого прессе и книжных издательствах: сам Иванович бойким пером прививал эстетический вкус рожденным юной федерацией новым русским, воеже те не эпатировали своей простотой старых европейцев ни на Джерси, ни в Санкт-Морице, а Вадька

с энтузиазмом кузена Бенедикта фиксировал на целлулоид их малиновое детство. Но в начале двухтысячных он неожиданно для многих зачехлил свой прозорливый объектив, а следом и вовсе исчез, - поговаривали, эмигрировал то ли в Штаты, то ли в Канаду, с тех пор в тихих редакциях его больше никто не поминал.

Обниматься они не стали и не смогли толком пожать друг другу руки. Вадька пояснил, что получил травму на манифестации «желтых жилетов», ради которой он и примчался всего лишь на сутки из Монреаля, чтобы отстрелять пару кассет для скорой коллективной фотовыставки в Мехико. Он сказал это простым русским языком, без малейшей рисовки и одновременно без лишней скромности, с почти юношеским воодушевлением, отчего Иванович неожиданно для себя испытал чувство глубокой зависти: Вадькин рассказ был слишком не похож на его, Ивановича, занятия и заботы, которые вдруг показались ему самому постыдными для сообщения другим - дру-

гому, сидящему напротив, слишком обывательскими для того, чтобы вызвать к себе хоть какой интерес вне вежливых расспросов о семьях и общих знакомых... И в ответ, дабы придать своей персоне жертвенного веса, он полным трагизма голосом сокрушенно сообщил, что «а у нас» беспощадно урезают финансирование, закрываются редакции, каналы и издательства, что повсюду вводят цензуру и почему зря заводят административные, а то и уголовные дела, что вернулись самые худшие времена... Увидев на лице Вадьки усмешку, он поправился: «Нет, конечно, не худшие... еще не худшие... Как говорится, бывали хуже времена... но не было подлей...» - «Подлей девяностых?..» - с той же усмешкой уточнил Вадька. Иванович искренне не понял издевки и с раздражением воскликнул: «А девяностые-то тут при чем?..»

После говорил только Вадька. Говорил он долго. О том, как они, в тех самых девяностых без колебаний выбрали сторону дорвавшихся до абсолютной власти

и больших денег номенклатурщиков из второй-третьей категории, и с щенячьей радостью прибились к возникшей, казалось бы, из ниоткуда вождеденной кормушке, как за щедрые, даже по высоким западным меркам, гонорары создавали видимость естественности того неестественного, что происходило вокруг, в то время когда остальные - те униженные и оскорбленные, о которых они, интеллигенты, должны были думать в самую первую очередь, погружались в прорву нищеты и через нее в полнейшее бесправие.

Вадька ни разу не произнес «вы», ни разу не обособил себя, ни разу не попытался найти себе хоть малейшее оправдание, но тот факт, что сам-то Вадька уже давно эмигрировал, не позволял Ивановичу не отделять себя от него. Он попытался защищаться, но Вадька лишь покачал головой: «Вот он, - и похлопал по старому фотоаппарату, - помнит все... - а потом добавил: - И наши с тобой физиогномии там тоже есть».

Все неурядицы в его поездке можно было в конце концов обратить в забавные туристические происшествия на потеху знакомым и «френдам», а то и в поучение недругам: и разноцветных пряжами гомиков в баре, и чернь в вагоне первого класса, и парижских ажанов неотличимых от своих братьев из сермяжной гвардии, и чей-то оторванный палец с ярким маникюром (и все-таки чей?), но встреча с Вадькой Савкиным, которой не случилось бы, не приди ему в голову подкрепиться французской кухней, эта случайная встреча и их разговор...

Вадька сказал то, о чем Иванович и сам знал, чувствовал в глубине души, но никогда себе не признавался, не произносил вслух, гнал от себя саму мысль, и, когда однажды она вдруг стала слишком невыносимой, окончательно постановил, что он вообще не интеллигент и никогда им не был, и ничего общего не хочет иметь с этим «АОС»: он - только интеллектуал, коих в Европе - пруд пруди, без обязательной думы об этих униженных и

оскорбленных... Да и хуй с ними, - не так уж они унижены и оскорблены... Сами виноваты в своей покорной терпеливости и в своих бессмысленных бунтах, после которых все и всегда становится хуже, чем было до них.

Голубеву очень хотелось поговорить... Уже с неделю, как сын признался ему, что размышляет над тем, каким способом надежнее убиться вместе со своим пассажиром, чиновником из мэрии, а он еще не поговорил ни с кем.

Жене он не рассказал о разговоре на кухне, чтобы не пугать мать. Невестке, потому что недолюбливал ее за то, что та слишком задирала нос из-за своего интеллигентского происхождения, хотя тесть был всего-навсего технологом на закрывшемся еще в девяностых заводе, а теща и того хуже - экономистом в бухгалтерии АО с непроизносимым названием... А посторонним доверить секрет сына он не мог. Да и предмет был больно щепетильным, чтобы запросто обсуждать его с другими.

Да и что было обсуждать? Что Толька решил сделаться камикадзе? Засмеют. Вот как бы узнать причину. Вот тогда можно было бы обсуждать, взвешивать: стоит ли оно того... Тогда можно было бы отго-

ворить Тольку. Или отложить пока... А там, глядишь...

Далее его мысль никогда не продолжалась. С детства тяжелые подзатыльники отца выучили его, что глядеть нужно под ноги; получив права, он глядел только на дорогу; дома глядел на жену, на взрослого сына, на стареющих родителей, пока те не померли; глядел на достроенный своими руками дом, на грядки с петрушкой и редисом вокруг резной веранды, которую за канистру первача смастерил ему одноглазый сосед, бывший советский скульптор. И глядеть более было не на что.

Никакого «там» он толком не знал. Будущего у него никогда не было, а всегда было только настоящее, и все свое настоящее он пребывал в одном и том же месте, почти не покидая его. В первые месяцы срочной службы он, правда, ощутил некоторую общность с огромной страной, но благодаря отцам-командирам наваждение скоро прошло, и с той поры у него не было ни малейших заблуждений на счет тех, кого он в обще

называл «начальством» или «большим начальством», и кому и до той самой страны, и до «простого народа», к которому он причислял себя, не было, нет и никогда не будет никакого дела. Да и всем остальным, кажется, тоже. Так и норовят проехать по разделительной, а то и вовсе буром на красный...

Голубеву было совершенно необходимо с кем-нибудь поговорить... Он позвонил сыну, условился о встрече, но сперва все одно нужно было поговорить с другими, обсудить насущное и выслушать их, вслушаться в чужие слова, в интонацию, чтобы исподволь хоть на самую малость вникнуть в Толькину затею.

От безысходности он решил завести издали разговор с кем-нибудь из пассажиров, но, как назло, всю неделю ему пришлось развозить либо слившихся с телефоном дельцов, расплачивавшихся кредитками и не оставлявших чаевых, либо супружеские или, кто их там разберет, пары, либо мучившихся насморком юнцов... И он очень обрадовался,

когда клиент, которого он встретил в аэропорту, оказался своим Ивановичем, а не югославом Иванович, как ему передала диспетчер Люська, продиктовав латинскими буквами фамилию, которую нужно было написать маркером на табличке с логотипом «Мы едем, едем, едем».

Внешность пассажира, которого Голубев с первого взгляда записал в интеллигенту, как нельзя лучше располагала к чайной долгую неделю беседе.

- А я решил, вы из югославов... Наша диспетчерша так сказала... Вот я и написал на табличке фамилию по-английски... Думал вы оттуда... У нас курить вообще-то не разрешается, но можете курить... Я и регистратор выключу... Вот так. Теперь можно... А то после самолета, наверное, неважно?.. Сам-то я бросил уже лет пять как, но ничего - мне не мешает... Вы ж прямо из Парижа сейчас?.. У них, говорят, теперь вообще нигде не курят... Тоже диспетчерша сказала... Люська... Она у нас сорока... бело-

бока... Все знает, что творится во всем мире... и потом всем рассказывает... Лучше радио... Те-то отбубнят свое, и дела нет, а Люська по-другому... Она с душой, будто ее саму касается... А больше другого войны очень боится...

- С кем это? - с нескрываемой иронией спросил Иванович.

- Вот я ей то же говорю... Кто на нас сунется?.. У нас атомных бомб на всех хватит... Так же нас учили?.. Правильно? Мы ж вроде с вами одних годов будем... Тогда ж нам так говорили?..

- Абсолютно верно. Ядерный конфликт приведет к наступлению на всей планете ядерной зимы...

- Точно так... А она все равно боится... глупища... Про вас сказала, что вы, наверно, жертва войны... Ну та, которая у вас была... Не у вас, а, когда она подумала, что вы - югослав... За всех душой болеет...

- Да уж... - выдохнул Иванович и почти неслышно пробормотал: - «Я хату оставил, пошел воевать...»

- Что говорите?

- Я не югослав и не жертва войны, так что передайте вашему диспетчеру, чтобы она не переживала...

- Да она найдет себе... и без войны... Сейчас и без войны... Вы ж прямо из самого Парижа сейчас?.. Там же сейчас тоже... Народ бузит всюду... Или как? Что там сейчас? Вот вы ж своими глазами, наверно, видели... По делу бузят или так, с жиру бесятся? Как на ваше мнение?..

- Сложный вопрос... Я в Париже был только проездом. Очень коротко. Потом еще нужно определиться... Что значит - с жиру?

- Как, что?.. Причины-то есть или нет? У них же вроде как все хорошо там...

- Все хорошо не может быть нигде...

- Да понятное дело... Но у них-то... у них же там, наверно, все лучше, чем тут у нас...

- Ну, если в этом смысле, то, пожалуй, - да, в этом смысле, пожалуй, можно сказать, что с жиру.

- Вот и я думаю... Посмотрели бы они... Мы ж живем и ничего... не жужжим...

« А может, потому и ничего, что не жужжим?» - кольнула Голубева шальная мысль; он посмотрел в зеркальце заднего вида на круглое лицо пассажира, но взгляда его не встретил: Иванович безучастно смотрел в окно и, кажется, совсем не придавал значения их разговору.

- А может, потому у нас так, потому что не жужжим? - нескладно повторил свою мысль вслух Голубев и наконец увидел отрешенные тусклые глаза Иванoviча.

- Почему вы у меня об этом спрашиваете?

- А у кого еще? Начальство командует, народ работает, вы думаете...

- Кто это - мы?

- Интеллигенты. Кто ж еще? Вы ж из них будете? Я вот - простой народ. ГАИшник вот тот - вроде начальства... Кого ж мне еще спрашивать?.. Не у него же... От него как от козла молока... Только б на карман хапнуть побольше...

- Я не понимаю... Я - искусствовед. Я не занимаюсь... Я занимаюсь искусством. Это абсолютно не мой профиль. Как я могу вам сказать?..

- А вы попробуйте... Вы ж, наверно, не только про ваше искусство знаете...

- Не понимаю... Что я должен вам сказать?.. Французы бунтуют, как вы это называете, по каким-то своим собственным причинам... Если у вас тоже есть причины, то... то и решайте сами...

- Как бы понять... - самому себе сказал Голубев.

- Простите, я не расслышал...

- Да причин-то полно... Все сразу и не разберешь... Так, одна к одной... и само вроде как покатилося... А вот как из них разобрать главную?.. Вот тут без вас никуда...

- Никак не пойму, что вы от меня хотите... Я не могу позвать вас на баррикады...

- Что так?..

- Мы исчерпали свой лимит революций.

- И какой он был?

- Он был таким, который уже исчерпан.

- Гладко излагаете... обтекаемо... А все ж? Вот кто определил, что лимит уже сейчас, а не когда-нибудь завтра?

- Не знаю. И никто не знает.

- Зачем же вы тогда обманываете?

- Это не обман... Это ложь во спасение...

Потому что революция - это опять жертвы, это гражданская война, это... Как вы не понимаете? Нам нужен эволюционный путь развития... постепенный...

- А если постепенно все только хуже?..

Вот именно, что постепенно... Я ж говорю, одно к другому... Поначалу-то много разговоров разных было... Все лозунги да реформы... Помните, наверно... А в итоге вона как вышло... Я в такси с начала восьмидесятых, еще с Союза... Тогда тоже, которые с круглыми госномерами, бывало, нарушали, но не так же как сейчас... Сейчас совсем всякую совесть потеряли... Мы теперь для них вообще никто и звать никак. А вы говорите...

- Все равно это не повод... не причина для революции.

«Причина»! Мысль Голубева уцепилась за произнесенное слово, теперь ему оставалось как-нибудь направить разговор в правильное русло. Он видел, что пассажир поддерживал беседу с явной неохотой, однако ему во что бы то ни стало

нужно было найти, нащупать причину, Толькину причину...

- А какая может быть причина? Вот из-за чего можно?.. Если вдруг будут жертвы?..

- Во-первых, необходима революционная ситуация. Это когда...

- Сверху больше не могут, снизу тоже не хотят... Помню-помню... Я десятилетку в путье закончил... Вбили в голову... Я ж не про то... Я вам про главную причину самой ситуации толкую... Вот какая она должна быть?

- Не знаю... Вероятно, война, голод... Что еще?.. Вообще кризис... Это все может стать причиной... одной из причин...

- Короче, когда уже - куда ни кинь - везде клин... Что так подыхать, что иначе... Так, по-вашему, получается?

- Это не по моему... Это общеизвестные исторические факты...

- А может, не надо доводить до таких фактов?.. Война с голодом, она ж не сама по себе... Она ж случается из-за кого-то... Да что я!.. Ясно ж, что из-за начальства, которым на все класть... Они только себя не забывают... Вот тут они всегда первые

поспеют... И в два горла...

- Я смотрю, вы - бунтовщик, - выдал порцию иронии Иванович.

- Кабы я, тогда... - Голубев понял намешку, но не подал виду: на обиду времени у него не было.

- Раньше за подобные разговоры мигом... В каземат! На каторгу! Во глубину сибирских руд!..

- Да где ж тут разговоры?! Я в такси с восемьдесят первого... я говорил уже... Так вы б послушали, что пассажиры трепали еще при дорогом Леониде Ильиче... Особенно, если когда под газом...

Голубев вдруг припомнил тогдашних своих пассажиров. Всех вместе разом... Все встреченные им в ту пору люди слились в одну общую фигуру, которая оказалась чем-то похожей на того, кто сейчас сидел сзади. Словно именно подобных этому Ивановичу он когда-то развивал по городу, жадно вслушиваясь в непривычную для себя крамолу или мечты о лучшей жизни на западный лад. И если над крамолой он втихую посмеивался, то разглагольствования о вообра-

жаемом будущем понимал мало: где-то внутри него всегда присутствовало чувство, что его, Голубева, это никак не касается, что загадываемое краснобаями бытие нисколько не берет в расчет ни его самого, ни прочих, таких как он; и сколько бы не было произнесено слово «народ», оно всегда оставалось беспредметным, будто бы этот народ существовал только в воображении пассажиров, - в сущности это был такой же выдуманный народ, как и тот, кого на агитплакатах изображали наедине со своим рулевым.

Он вновь бросил короткий взгляд на Ивановича: тот смотрел перед собой, словно ему тоже пришло на память что-то очень важное.

«В каземат... В каземат, значит, не жертвы, а как что - так причины нужны?.. А как причины появились - лимит кончился. Вот так и живи... По-любому - жертвы... А они как ездили на такси, так и ездят... А ты вези их... Молчи да слушай... Молчи да слушай... до самой могилы... То же начальство, только похит-

рей... позаковырестей... Те криком, а эти в полголоса... А так - все едино... А может, все они заодно будут?.. Лозунги-то эти самые кто начальству сочиняет? Они ж вообще... Хорошо, пусть лозунги они сами смогут... Пусть так. Орать - не велика работа... А кто им те лозунги на плакате рисовать будет? Кто будет красивые стенгазетки делать?.. Кто стенд в ленинской комнате?.. Штабной писарь. Вот кто. А писаря у них всегда из студентов... Или после техникума... Так или иначе, но из ихних... всегда из ихних... И на собраниях они самые первые... Говорить-то гладко научились... Ты смотри: «был таким, какой исчерпан»... С какого бока не подойди - никак не зацепиться... А чуть что - ложь во спасение... Точь-в-точь попы... Какое ж тут может быть спасение?.. Ложь - она и есть... Тот, кто брешет, тому, понятное дело, - единственное спасение, а вот нашему брату... Да мы-то тоже... Мы тоже... Чего уж там... Мы тоже не без греха... Соседу руку жмем, чтоб он, не приведи бог, шины не проколол да дачу не спалил... И сосед

того же боится... Так и живем... куркулями... единоличниками... Там сохрем, тут приврем... Каждый на своем месте... Брешем и тем спасаемся... Год за годом... От отца к сыну...».

Его мысль вернулась к сыну Анатолию, к его затее... С досадой подумал он о том, что так и не нашел того, с кем можно было бы поговорить... Поговорить с толком, с расстановкой... Рассказать о сыне обстоятельно, о том, как он рос, ходил в школу, участвовал в соревнованиях по волейболу, как они с матерью вздохнули с облегчением, когда в Чечне наконец-то закончилась война, и стало ясно, что их Толика туда не заберут, и о том, какая у него была свадьба, и как радовались они рождению внучки... И что теперь ничего этого больше нет, а есть только Толькин пассажир, неизвестный чиновник мэрии, и надежный способ убиться вместе с ним, который его сын сейчас выбирает...

Голубев услышал, как пассажир сказал: «Привет», и мысль его оборвалась. Скопившаяся досада вдруг пере-

кинулась на того, кто свел весь важный разговор к отвлеченным историческим фактам, а попросту отделался от него, и теперь как ни в чем не бывало болтал по телефону. Спасения не пришло, а снова только брехня... Также как и тридцать лет назад... И от тех же, от кого тридцать лет назад... Оказывается, все это было лишь ложью во спасение... «Спасание утопающих - личное дело рук самих утопающих, - отчего-то вспомнилась ему знаменитая цитата, и тут же следом он нашел всему свое объяснение: - Так они себя и спасают... Всегда и только самих себя...»

На светофоре он свернул к мосту, вжал педаль в пол и тоже закрыл глаза.

На четвертые сутки Анатолий Голубев открыл глаза. Он с удивлением обнаружил, что находится в реанимационной палате, а рядом с ним умирают еще пять бедолаг... Двоих на следующий день отправили в долгий путь, еще через пару суток уже его самого перевезли из подвала в палату на последнем этаже.

Радостные, восторженные голоса встретили появление Анатолия. Он лежал бездвижно и смотрел во все глаза на плачущую мать, на жену, на испуганную дочь, на двух неизвестных ему мужчин: один был в форме лейтенанта ГИБДД, другой в комбинезоне «Скорой помощи». Воспоминание о своей главной мысли ударило в него как громом, воспоминание о погибшем отце - как молнией... Он хотел вскрикнуть, но лишь протяжно застонал, и все вдруг кинулись к нему. Мать и жена вцепились в его руки, дочь уткнулась носом в больничное одеяло, лейтенант и медбрат просто встали в ногах и довольные плодом

своих трудов, ослабившись, взирали на него. Потом все вместе и наперебой принялись ему рассказывать историю его чудесного спасения.

Впрочем, говорил большею частью лейтенант. Выяснилось, что зовут его Серега Пшенкин, и они учились с Анатолием в параллельных классах. «Я в «В», а он, значит, в «Б». Я - Пшенкин, он - Голубев. А у «ашек» вообще никаких птичьих фамилий не было...» - уточнил он для всех. Это обстоятельство и спасло Анатолию жизнь. Было видно, что рассказывал лейтенант уже не в первый раз, однако никто его не торопил: всем нравилось слушать историю с хорошим исходом.

Обычно заснувшую за рулем пьянь лейтенант Пшенкин не будил, а вывозил эвакуатором прямиком на штрафстоянку, но когда он увидел в стоящем на светофоре автомобиле знакомое лицо, которое не отзывалось ни на настойчивый стук в окно, ни на разбитое рукояткой пистолета стекло, он без промедлений приказал своему подчиненному младше-

му сержанту вызвать «Скорую», сам же оказал Анатолию первую помощь путем искусственного дыхания через платок. На этом месте рассказа мать с женой прослезились, а дочь, выпучив глаза, принялась дуть в одеяло.

Невероятное происшествие на этом не закончилось. В то время, когда лейтенант Пшенкин делал искусственное дыхание, мимо, по совершенно случайному стечению обстоятельств, проезжал реанимобиль, в котором оказался не кто иной, как Борька Клюев, их одноклассник, который учился в соседней школе и тоже играл в волейбол. «Он тоже из наших, - сказал довольный собой Пшенкин и хлопнул медбрата по плечу. - Если бы не он...» - «Ну что ты... в самом деле... - запротестовал зардевшийся Клюев. - Это Лепешина, она - очень хороший реаниматолог... Это она сделала ему вовремя дефибрилляцию...» - «А кто машину остановил?! Ты или врачаха твоя? Тот... - строго оборвал его Пшенкин и пояснил собранию: - Он всегда был такой... Слишком много скромности...

Вот его надо благодарить, а не какую-то там Лепешкину. Он самый первый из машины выскочил...».

Лейтенант Пшенкин еще долго и в деталях рассказывал о том, как он помогал медперсоналу укладывать бездыханное тело в реанимобиль, как после он приказал младшему сержанту путем толкания перегнуть машину Анатолия к обочине, чтобы не создавать помехи дорожному движению, и как обругал на чем свет стоит водителя прибывшей по вызову «Скорой помощи» за то, что тот не слишком скоро приехал...

Мать слушала, одобрительно кивая головой, и время от времени всхлипывала, жена успокаивала ее, нашептывая слова утешения, дочь, пользуясь своим возрастом, не скрывала, что помирает со скуки...

Анатолий смотрел в окно, в котором было только предвечернее небо, и размышлял о гибели отца и о своей главной мысли...

Если бы отец утонул в одиночку, еще можно было бы обмозговать другой,

пусть и менее надежный, вариант аварии, но смерть пассажира совершенно расстроила, обесценила все задуманное им дело. Второе похожее происшествие даст повод зачислить всю семью Голубевых в сумасшедшие, и теперь никакую оставленную в целлофане записку в расчет никогда не примут. Стало быть, теперь ему придется навсегда отказаться от своей идеи. Теперь нужно будет просто продолжать жить до самого конца. Так, как жил его отец, а до него его дед, а до того его прадед. Не глядя по сторонам, молчать и слушать...

Анатолий представил себе километры одинаковых дорог, которые ждут его впереди, и от горькой обиды на глазах навернулись тихие унылые слезы.

НЕ ГОРЫ, НЕ ОБРАГИ И НЕ ЛЕС...

Колеса на стыках постукивали, кажется, обыкновенно, но все равно никак не давали сосредоточиться. Или это были пассажиры, которые, как обычно на больших станциях, гурьбой ввалились в два средних вагона и теперь равномерно распределялись по всей электричке, своей суетой мешая ему попасть в край безоблачной ясности...

Михаил с сожалением закрыл начатую книгу, спрятал ее в сумку, а саму сумку закинул на полку, где уже была его большущая корзина полная грибов, и посмотрел в окно на дачные поселки, беспорядочно раскиданные там и сям в чистых полях и связанные меж собой

лишь линиями высоковольтных передач: невнятная унылая бескрайность...

На свободное место напротив сперва прилетел рюкзак, за ним уселся его хозяин, высокий стройный юноша в белой толстовке с изображением головы Навального на груди и с самым независимым выражением своего лица. Он удобно устроился и, пока вставлял в уши наушники, словно с сочувствием оглядел полного мужчину с заметной сединой в чернявой шевелюре, чуть внимательнее присмотрелся к растянутому желтому лику на растянутой на объемных телесах красной майке.

Михаил перехватил его любопытный взгляд и распахнул шире полы ветровки:

- Дедушка Хо.

Юноша не понял, о ком идет речь. Он и не пытался понять, поскольку готовая реплика уже была на дерзком языке, и она не замедлила сорваться:

- Алексей Навальный!

Молодой человек выпрямился и выпятил развитую грудь так, чтобы на голове вождя не осталось складок; он явно

хотел произвести впечатление, но к его удивлению сосед не впечатлился.

- Наци и казнокрад.

Михаил произнес это столь будничным тоном и со столь бесстрастной миной, что навалынист на мгновение совершенно растерялся. Он даже сжал кулаки, но соображение, что лицо с майки - узкоглазый старикашка с жидкой бороденкой, - как-то связано с азиатскими боевыми искусствами, остановило его от поспешного необдуманного поступка.

- Он не наци... - бросил юноша и принялся подсоединять провод от наушников к смартфону.

- Наци, - все также без эмоций в голосе ответит Михаил. - Впрочем, наци прогрессивный... По крайней мере, пока... А скорее - дюже хитрожопый, и когда его борьбу станут проплачивать другие, переобучется и примется спасать Россию старым дедовским методом...

- Он не наци, он давно уже извинился, что погорячился, и, вообще, у всех могут быть ошибки, это уже совсем давно было, а вы все цепляетесь за старое, у вас

и в совке вашем все было хорошо: и мороженое самое лучшее, и космос с Гагариным, и хоккей с олимпийскими играми, а сами не могли даже банальную туалетную бумагу или колбасу сделать...

- Значит, по второму пункту возражений нет? - оборвал словоблудие оппонента Михаил.

- По какому второму?.. А-а, это... Ну это вообще бредятина какая-то... Даже не смешно... С чего это вы вообще откуда-то взяли? Человек сам, если хотите знать, с коррупцией в стране борется... Вы его расследования видели?.. Конечно, нет... Еще бы... Вы же ничего не знаете, а только свой телевизор смотрите и больше ничего...

- Свой жизни век пройдя до половины, он оказался в Кировском лесу... - продекламировал Михаил.

Его грудной бас вдруг привлек скучавших дорогой одиноких соседей.

- По грибы или ягоды, небось, ходил... - прищурился густобровый дедок с пузатым лукошком отборной малины, которое он аккуратно хранил на костлявых

коленях.

- Нет, - покачал головой Михаил и, обнаружив публику, громко подбодрил ее: - Какие еще будут версии? Смелее, граждане!

- Пошел охотиться? - попытала счастья гладкая женщина бальзаковского возраста: она уже битый час искося бросала взгляды на видного мужчину в красной майке.

- Сожалею, сударыня, но - увы... Хотя сам факт охоты присутствовал, - оставил покрасневшей фемине шанс великодушный Михаил.

- По дрова! Как я сразу?.. Конечно, по дрова... - снова вступил в загадочный бой бровастый дед.

- Промах...

- Просто он заблудился... - это был мальчуган лет пяти-шести, который со скуки слонялся по вагону, пока его родители вполголоса выясняли отношения.

- Отличный ответ, мой юный друг, но...

- Что вы тут вообще хотите сказать? - не выдержав, перебил Михаила встревоженный общим вниманием навалынист. -

Я не понимаю... Алексея преследуют по политическим мотивам... Потому что он борется с коррупцией... Между прочим, его отравили... Отравили... Вы хоть понимаете это или нет? Его отравили ядом... Через его трусы... Вы же ничего знаете, что происходит... Вы же ничего не смотрите, кроме своего телевизора...

- Свой жизни век пройдя до половины, он оказался в Кировском лесу. И он пошел не по грибы-ягоды, не на охоту, - Михаил послал улыбку румяной женщине, - не по дрова... Он там просто заблудился... Счастливо, я бы сказал, заблудился и в итоге набрел на «Кировлес»... - и опять продекламировал басом: - Так может случиться, лесотехник видный он... с дипломом академии столичной?

- И диплом у него, между прочим, есть, и не один, и не только, если хотите знать, столичный, - парировал юноша, - Алексей, между прочим, Йель закончил, - со значением добавил он, словно сам был его выпускником.

- Я знаю! Ель - это такое дерево в лесу

есть. Вот! - громко сообщил всем слыш-
ленный не по годам мальчик и пояснил: -
Это такая елка...

Пассажиры по соседству с радостью
заулыбались глупости ребенка, потому
что большинству из них «Йель» почти
ничего не говорил...

- Иль может статься, он - торговец знат-
ный, что водит караваны древесины из
края ближнего в далекий самый край? -
продолжил на той же ноте Михаил.

Юноша стойко встретил очередной
вопрошающий взгляд неприятного ему
соседа, но вот тон, который тот взял с
самого начала, ставил его в тупик, и он
никак не мог понять, ни окончательно
решить: должен ли он как-либо реаги-
ровать и каким образом на все это реаги-
ровать...

- Что вы тут вообще?! - воскликнул он в
раздражении. - Алексей закончил Йель,
он, между прочим, если хотите знать -
адвокат...

- Не лесотехник, не купец...

- Он просто заблудился, - мальчик залез
на сиденье к Михаилу, чтобы дослушать

хорошую сказку.

- Бог с ним! - Михаил потрепал мальчугана по голове, весело подмигнул ему и снова обратился к визави: - На что безвестный Кирову варяг, когда на место есть земляк?.. Коль с детства побывал он в том лесу... Исследовал каждую тропинку... Садился на пенек, ел пирожок... За тем смотрел, где мох... а где ложбинка...

При этих словах дама бальзаковского возраста густо покраснела, опустила глаза и полезла в сумочку за кружевным платочком; заметив ее реакцию, Михаил догадался, что, вероятно, немного погорячился, но слово - не воробей... И он уперся твердым взглядом в навалыниста.

- Я не пойму, что вы тут вообще?.. Что вы еще хотите, чтобы я вам сказал? Что Алексей не из Кирова?

- И даже не из области?

- А в чем у вас проблема? Да, Алексей из Подмосковья, из Одинцово, а не из...

- Свой жизни век пройдя до половины, он оказался в Кировском лесу... - вновь басом завел Михаил. - Не лесотехник, не торговец... в пределах Кировских он не

бывал дотолё...

- И что? В чем у вас проблемы? Вы, между прочим, сами тут в электричке трясетесь, а в стране, если хотите знать, везде коррупция... А Навальный, он только один с коррупцией борется... Вы его расследования видели?.. Вы же ничего не знаете, а только свой телевизор смотрите... И сами ничего не делаете, между прочим... Деньги-то, которые коррупционеры воруют, они, между прочим, и ваши тоже... А он, если хотите знать... Его, между прочим, преследуют... Алексей один за вас всех все делает... расследует все... чтобы у всех вокруг глаза от удивления раскрылись... А вы только к его старым словам цепляться умеете и больше ничего... Его, если хотите знать, отравили из-за этого... Что вы еще от него хотите, чтобы он?..

- Хочу услышать имя и фамилию того Вергилия, который заблудшего Алешу в «Кировлес» притащил, - холодно ответил Михаил юному энтузиасту. - Никак не могу сообразить, чем вся эта история принципиально отличается от распреде-

ления бизнеса промеж друзей детства, отрочества и юности одного известного... безвестного чиновника - инкогни-то... из Пу-тин-бур-га...

Совершенно потерявшийся от Вергилия, навальнист промолчал.

- А если разницы - никакой, - продолжил Михаил, - что мне, самому ординарному пассажиру из замызганной электрички, с того, какой у вас завтра будет ваш капитализм: капитализм друзей Тани, Вали, Толи и Вовы или капитализм друзей Тани, Вали, Толи и Алеши?..

Имена детей совершенно сбили юношу с толку, и он только хлопал глазами.

- Молодой человек, вы хотя бы догадываетесь, о чем я вам говорю или совсем нет?

Юноша кивнул, чтобы не уронить лица, но сделал это без малейшей уверенности, потому что нужно всего лишь умно проголосовать по указанию штаба Алексея Навального, которого преследуют по политическим мотивам... а враги и завистники бессовестно тиражируют подделки...

Михаил с отчаяньем посмотрел на идейного борца, перевел взгляд на не сводящую с него глаз разрумнявившуюся женщину, на деда, который после слов «инкогнито из Пу-тин-бур-га» немедленно сделал вид, что уже давно дремлет в противоположную от разговора сторону, на внимательно слушавшего его мальчика, который неожиданно, громко и жизнерадостно спросил: «А потом?»

- И потом, молодой человек, - сказал Михаил навальнисту тоном профессора, - в вашем возрасте уже давно пора понять, что, когда вам рассказывают, что ваши дети никогда не смогут руководить каким-нибудь «Роскосмосом», потому что там будут дети какого-нибудь Рагозина, а в РЖД дети какого-нибудь Якунина, и так далее, и тому подобное... Так вот знайте, что в Кировском лесу также никому абсолютно ничего не светит, потому что там будут либо дети Никиты Белых, либо очередной парвеню вроде вашего вождя Навального...

- И мне тоже, дядя? - мальчик потянул Михаила за рукав ветровки.

Взрослый дядя не посмел сказать ребенку правду, которую он точно знал, - ту единственную, где установившийся в мире порядок вещей нисколько не предполагал, что этому мальчугану из дальнего пригорода когда-нибудь что-нибудь будет светить.

Разве что покамест бесплатное солнце...

МОЛЧАНИЕ ИМЕН

Особой важности поручение, взваленное непосредственно высоким руководством, было крайне деликатным и не подлежало даже самой узкой огласке, потому, отправляясь на задание, старший участковый уполномоченный полиции майор Сергеев скрыл свою форменную куртку партикулярным плащом и спрятал фуражку в непроницаемый полиэтиленовый пакет; если бы не тонкие красные канты на его брюках, никто и никогда не догадался бы, что среднего роста, изрядно упитанный полнолицый мужчина с плохо скрытой проплешиной, который пасмурным вечером свернул с улицы Гастелло во двор многоподъездного жилого дома, шел не из продукто-

вого или промтоварного магазина, а на большое государственное дело.

Сергеев задрал голову и обвел внимательным взглядом горящие теплым светом окна, за которыми в уюте своих углов граждане принимали пищу или смотрели в телевизор. Он подумал о том, что жильцы этого дома никогда не доставляли ни ему, ни его предшественнику особых хлопот, однако, несмотря на такую положительную характеристику, вот прямо сейчас одну семью из трех человек ему придется оторвать от привычных занятий и нарушить ежедневный распорядок ее вечерней жизни серьезным разговором; ведь самое главное в работе участкового - вовсе не борьба с правонарушениями, а их профилактика, предупреждение и предохранение граждан от того, чтобы кабы чего не вышло, а уж если вышло и произошло, от того, чтобы не случилось рецидивизма, то есть снова получалась та же профилактика - самое главное в его нелегкой работе.

Майор сверился с записанным в блокноте адресом, набрал на домофоне номер

квартиры, на короткий вопрос «кто там?», так же коротко ответил: «Ваш участковый» и, пока поднимался в изрисованном розовой губной помадой лифте на четвертый этаж, еще раз полез в блокнот и уточнил для себя имена и отчества домочадцев.

Его уже ждали: дверь квартиры была приоткрыта, на пороге стояла хозяйка Александра Владимировна, миловидная брюнетка в выцветшем спортивном костюме; у нее в ногах крутился похожий на миниатюрный грейдер скотчтерьер, которому она технично преграждала путь, не давая проскользнуть на лестничную площадку. Сергеев растегнул плащ, обнажив униформу, протянул ей удостоверение: «Майор Сергеев. Я ваш участковый. Я к вашему супругу... и к вам тоже по важному вопросу», после чего невольно посмотрел на ее тонкие губы, но никаких следов помады на них не нашел. Александра Владимировна цыкнула на собаку, взгляделась в черно-белую фотографию, сравнила ее с постаревшим и раздавшимся цветным

оригиналом и пригласила майора войти. «Леонид, это к тебе!» - крикнула она, ловко подхватила скотчтерьера на руки и оставила Сергеева в прихожей одного.

Майор огляделся: квартира представляла собой советскую трешку, облагороженную давнишним евроремонтом, было чисто, чересчур, на его взгляд, чисто, словно здесь давно никто не жил, и от хозяев остались только одинокая клетчатая кепка на вешалке да два одинаковых длинных зонта в высокой корзине.

Из комнаты вернулся пес, посмотрел на незнакомца, тихо урча, обошел его, обнюхал туфли и полиэтиленовый пакет...

«Валя, место!» - это был сам хозяин Леонид Геннадиевич в фартуке в крупный синий горошек, с кухонным полотенцем в руках, приветливой улыбкой на лице и спокойным взглядом за стеклами очков в толстой роговой оправе. «Майор Сергеев. Я ваш участковый. Я к вам по очень важному вопросу», - машинально представился Сергеев, а сам тем временем подумал, что это совершенно невоз-

можно, недопустимо называть собаку, хоть бы и породистую, человеческим именем: его супругу звали Вале́й, и он вдруг представил, как ей дают команду «Валя, голос!» или «Валя, служить!», или еще какую-нибудь совсем несусветную глупость вроде «Валя, дай лапу!»...

- Странная кличка у вашей собаки... вроде как человеческая... А у меня жену зовут Вале́й... Валентиной, - не сдержался задетый за живое майор.

- Это кобель. По паспорту он - Вальтер, но дома мы зовем его Вале́й... Так короче, а ему все равно, - он же не знает, что это женское имя... Собаки - умные животные, но не до такой степени, чтобы отличать женские имена от мужских...

- Дома ничего... дома можно... А то если вы так на улице, тогда же можно не понять... Если, допустим, вдруг какой-нибудь человек... женщина какая-нибудь рядом проходит...

- Нет, зачем же! На улице мы с женой всегда зовем его Вальтер, - уверенно солгал Леонид Геннадиевич и твердо добавил: - И Неля тоже всегда зовет его

Вальтером. Неля - это наша дочь. Она в выпускном... Вы, собственно говоря, к нам из-за этого?..

- Нет. Я просто удивился, потому что у меня жена и... и вроде как неожиданно... А подростками занимается инспектор ПДН лейтенант Томин. Как из кино который... Только тот, как и я, майором был, а наш - только лейтенант... Но я к вам по другому вопросу...

- Тогда раздевайтесь и проходите на кухню... У меня там пироги сейчас... Нужно следить, чтобы не подгорели... Это нам не мешает?

Сергеев был несколько сбит с толку Валей-Вальтером, и сразу не смог решить, мешают ли важному государственному делу частные пироги, но плащ снял, взглянув на урчащего пса с высунутым из-под блестящего носа языком, повесил повыше пакет с фуражкой и проследовал за гостеприимным хозяином.

В кухне и вправду приятно пахло домашней выпечкой, на деревянной столешнице у мойки еще оставались следы

стряпни, а на покрытом льняной скатертью столе ждали печево два овальных блюда с пасторальной росписью.

Сергеев присел на край углового дивана, стал терпеливо ждать, пока Леонид Геннадиевич проверит температуру в духовом шкафу и тщательно сметет остатки муки в мусорное ведро.

- А вы что, поваром будете? - вдруг спросил майор.

- Нет. Я - системный администратор, а кулинария - это что-то сродни хобби. Если, разумеется, время позволяет. Вы как раз попали в удачный день... Кстати, если хотите, смело закуривайте... Мы с женой на пару курим, так что не стесняйтесь, - хозяин поставил перед участковым пепельницу и продолжил приборку.

Сергеев вытащил из кармана пачку, но доставать сигарету не стал; безразличное к его появлению поведение Леонида Геннадиевича озадачивало: во-первых, за долгие годы службы он привык к тому, что граждане непременно нервничают и стараются как можно быстрее

от него избавиться, во-вторых, дело, с которым он явился, было слишком важным, чтобы как ни в чем не бывало протирать губкой столешницу, и, хотя, допустим, о самой сути дела он все еще не сказал ни слова, хозяин, по его мнению, должен был сам давно сопоставить события и факты и догадаться о причине его визита и, значит, отнестись к государственному делу со всей гражданской ответственностью, а не попусту хлопотать по кухне в то время, когда дело спущено не абы кем, а непосредственно из недр самого министерства...

- Пап, ну скоро уже? - в дверях выросла девочка-подросток, такая же милостивая как мать и близорукая в отца, - Здравствуйте, - вежливо добавила она, увидев гостя.

Сергеев кивнул и посмотрел на ее губы: следов розовой помады там тоже не оказалось.

- Потерпи. Кстати, познакомься, это наш участковый. Между прочим, пришел по твою душу. Говорит, в школе на тебя все жалуются... - со всей серьезностью отве-

тил дочери Леонид Геннадиевич.

Майор аж подпрыгнул на мягкой подушке дивана и открыл рот, чтобы опять рассказать о лейтенанте Томине, но Неля его опередила:

- Папа, я тебя умоляю... Подростками у них занимается лейтенант Томин. Он в прошлом году к нам в школу приходил и рассказывал о разных молодежных субкультурах...

- Точно! Так и есть! - с радостью и одновременно облегчением воскликнул Сергеев. - Инспектор ПДН лейтенант Томин. И лекция такая была. Все верно. Он тогда по всем школам ходил... Для профилактики...

- Одно другое не отменяет. Слухи о твоей низкой успеваемости перешли все мыслимые границы... Дочь моя, ты докатилась до того, что тобой вынужден заниматься не обычный подростковый лейтенант, а сам товарищ майор, - без малейшей запинки продолжил отец и строго добавил: - Иди к себе и подумай хорошенько над своим поведением, а мы сейчас посоветуемся, что с тобой дальше

делать...

Совершенно ошеломленный, Сергеев снова собрался протестовать, но его снова спасла Неля.

- Уау! И нисколько не смешно, - закатила глаза она и развернулась на сто восемьдесят градусов.

- Жаль. Тогда позови сюда маму, пожалуйста, - Леонид Геннадиевич вытер насухо руки и, закинув полотенце на плечо, уселся на стул напротив участкового.

- Если хотите, я могу к вам лейтенанта направить... - участливо предложил участковый, понизив голос.

- Что вы, не нужно... Уверен, что одного вашего строгого вида было достаточно. И звание у вас соответствующее... - также в полголоса ответил Леонид Геннадиевич.

- Как скажете, - приосанился польщенный майор. - Тут ведь главное - не запустить...

- Все будет в порядке. Теперь она знает, с кем будет иметь дело...

- Только я подростками не занимаюсь... - в который раз напомнил участковый.

- Не вечно же ей сидеть в подростках.
- И вправду...
- Звали? - это была Александра Владимировна; она по-хозяйски проверила температуру в духовке, после чего достала из ящика шкафа сигареты и устроилась по соседству с мужем.

Все закурили. Супруги терпеливо ждали, когда майор объявит причину своего неожиданного визита, пока он сам мучительно подбирал вступительные слова: начальство ясно дало понять, что ждет от него исключительно положительный результат, и ему было никак нельзя ошибиться с подходцем... Наконец он притушил вытянутую до самого фильтра сигарету, откашлялся и перешел к сути:

- Леонид Геннадиевич, Александра Владимировна... Я - ваш участковый уполномоченный полиции майор Сергеев Дмитрий Олегович... Я пришел к вам с официальной... с официальным предложением... то есть не с предложением, а с настойчивой рекомендацией, которую мне поручило передать вам мое офици-

альное начальство... Очень высокое руководство... Очень, - добавил он многозначительно и для пущей убедительности указал указательным пальцем правой руки в потолок.

Александра Владимировна кивком дала понять, что высота руководства принята к сведению и посмотрела на мужа.

- Слушаем вас, говорите, - подбодрил майора невозмутимый Леонид Геннадиевич.

- Леонид Геннадиевич, Александра Владимировна... Дело, с которым я к вам пришел, о нем не надо никому ничего разглашать... И вообще не надо никому ничего говорить, что я к вам приходил... Я для того и оделся в обычный плащ и без фуражки, чтобы было вроде как частный человек к вам приходил... Потому что надо, чтобы вы сами... вроде как по своему собственному побуждению... Вот.

- Ради бога, не волнуйтесь вы так, - в свою очередь поддержала запнувшегося вдруг майора Александра Владимировна.

- Речь-то о чем идет?..

- Леонид Геннадиевич, Александра Вла-

димировна... Тут дело большой государственной важности, и тут вам надо проявить гражданский долг, который должен иметь каждый наш гражданин... Надо войти в ситуацию... в государственное положение и понять вашим образованным разумом, что все это совсем не пустяки, а может стать очень опасным заразительным примером для нашей молодежи... И вообще примером для всех остальных... В самом разном возрасте...

Сергеев закруглил вступление, посмотрел поочередно на каждого из супругов, но те к его неудовольствию молчали и, на его взгляд, только зенками хлопали и явно ждали продолжение. К неудовольствию, но в гораздо большей степени - к разочарованию: по его мнению, «такие» должны были давно схватить все с полуслова, чтобы никому, ни единой душе не пришло в голову называть вещи той самой фамилией...

- Простите, но я ничего не понял, - окончательно расстроил майора Леонид Геннадиевич, поправляя очки.

Сергеев мотнул головой, расстегнул верхнюю пуговицу сорочки и чуть ослабил галстук.

- Хотите чай? - участливо спросила хозяйка и, не дожидаясь ответа, встала, и наполнила электрический чайник водой.

- Отличная мысль. Тем более что скоро пироги подойдут... - одобрительно сказал Леонид Геннадиевич.

- Леонид Геннадиевич, Александра Владимировна... Как вы сами не поймете?.. Какие тут могут быть пироги?.. Леонид Геннадиевич, Александра Владимировна... Дело государственной важности... Да и еще! Как же я совсем забыл?! Еще будет положено, чтобы вознаграждение вам выдали, если вы... Пятьдесят тысяч рублей за фамилию... То есть у вас на троих с дочкой выйдет сразу три по пятьдесят...

- Сто пятьдесят тысяч, - уточнил Леонид Геннадиевич.

- Да. Сто пятьдесят тысяч... И деньги сразу... Руководство нам так и сказала, что деньги вам выдадут сразу, как только... Вместе с паспортом... Тут будет все без

обмана... Сто пятьдесят тысяч - хорошие деньги... на дороге не валяются... Сможете сразу купить что-нибудь нужное для хозяйства... Или еще там чего... Если вдруг вам, допустим, кредит надо срочно какой-нибудь отдать...

- Дмитрий Олегович, - остановил майора глава семьи, - мы поняли то, что дело у вас государственное, и то, что распространяться о нем не следует, и то, что нам должны будут выплатить сто пятьдесят тысяч рублей... Остается выяснить главное - за что? Чем мы заслужили?.. Или наоборот - провинились?.. Я никак в толк не возьму... Вы ходите вокруг да около... Скажите нам конкретно, в чем заключается вопрос? Что за рекомендация?..

- Я тоже никак не соображу, о чем речь...
- согласилась с мужем Александра Владимировна и уточнила: - Это как-то связано с Нелей?

- Нет, с подростками работает лейтенант Томин, - среагировал Леонид Геннадиевич моментально, чтобы пунцовеющему на глазах майору не пришлось в очеред-

ной раз пускаться в долгие объяснения.

- Как же вы не поймете?! - в сердцах воскликнул вспотевший от тупости своих собеседников Сергеев, - Я же пытаюсь, чтобы как можно деликатней было... - он достал аккуратно сплюснутый в квадрат носовой платок и отер со лба обильно выступившую испарину.

- Да как вас понять, если вы ничего существенного за целый вечер нам так и не сказали? - от всей души удивилась Александра Владимировна.

Сергеев посмотрел на недоумевающих хозяев и, вздохнув, выпалил:

- Леонид Геннадиевич, мое руководство настоятельно рекомендует вам сменить вашу фамилию на любую другую... Все равно, какую... Какую захотите...

Потом дошли пироги, оказавшиеся на поверку пирожками, фаршированными всяким добром: яйцами, рисом, печенкой, грибами, капустой и на сладкое - грушей, сливой и вишней.

Неля набрала полную тарелку и умчалась к соседке вместе с подавшим голос

Валькой, но участковый в этот раз совсем не обиделся, потому что если дома, то, конечно, пожалуйста...

И они долго пили душистый чай из большого пузатого чайника, разговаривая ни о чем, которого у всех в жизни хватает через край...

По дороге домой Сергеев рассудил, что со своим заданием он справился вроде как неплохо, и пусть, допустим, решение Леонида Геннадиевича всегда оставалось за ним, и результат его еще не был известен, но он на своем посту сделал все от себя зависящее согласно инструкции начальства и гуманного отношения к вверенным ему законом гражданам, которым просто не повезло с их фамилией.

Леня и Саша сидели плечом к плечу и под глухое бурление посудомоечной машины дымили в разные стороны:

- Он придет еще?

- Наверное... У него есть начальство, и есть приказ...

- Прости, но рекомендация - не является приказом.

- Ты права, но в любом случае какой-либо ответ нужно будет дать.

- И каким будет твой ответ?

- А каким будет твой ответ?

- Так каким будет наш ответ?

- Думаю, мы не пойдём навстречу руководству майора Сергеева... И ему, наверное, за нас крепко влетит... Но ничего не поделаешь...

- И мы наконец-то поступим как настоящие жлобы?

- Да, мы наконец-то поступим как настоящие жлобы. Ты согласна?

- Конечно, - нужно оправдывать фамилию...

Жлобицкий закинул руку на плечо жены.

Жлобицкая обвила рукой талию мужа.

Жлобицкие крепко обняли друг друга.

Жлобицкая-младшая выгуливала во дворе Вальтера-Валю.

ПОХИТИТЕЛИ ДЕТСТВ

Марокканский переводчик итальянского стрингера, работавшего на агентство Франс-пресс, свое обещание честно выполнил: в аэропорту Стамбула он первым же делом направился к стойке ПТТ, там купил конверт с маркой, написал адрес и опустил доверенное ему рукописное письмо с тремя потертыми банкнотами по одному доллару в желтый почтовый ящик.

Письмо было написано на вырванном из школьной тетради листке мальчиком Саидом, с которым марокканец разговаривал в автомастерской на окраине полуразрушенного Идлиба, когда им пришлось менять задние колеса внедорожника, пробитые осколками сброшенной с

краснозвездного самолета бомбы. Составленное на базовом английском языке с многочисленными ошибками, письмо адресовалось в Стокгольм, мисс Грете Тунберг, а одна из банкнот - на ней какой-то шутник вывел черной шариковой ручкой седьмой аят девяносто шестой суры - была из тех самых денег, которыми итальянец скупо расплатился с механиками за срочный ремонт.

Через несколько дней письмо, как и должно, пришло по указанному адресу, но мисс Тунберг и не подумала распечатывать конверт.

- Как можно истреблять целые леса ради сомнительного удовольствия попользоваться бумагой, тем более когда уже давным-давно существует интернет и электронная почта! - закатила она очередную истерику журналисту газеты с ежедневным тиражом в полмиллиона экземпляров и на его же глазах демонстративно выкинула письмо в мусорную корзину из далекого ротанга, таким образом призывая всех думающих людей планеты пос-

ледовать ее заразительному примеру.

И если бы не вложенные три доллара, о письме не узнал бы никто и никогда.

На фабрике по переработке отходов сортировщица родом из Кении определила на ощупь прямоугольники банкнот и вскрыла конверт, после чего, помахав своим товаркам по работе «богатой» находкой, зычно и звонко зачитала в полный голос:

“Hello Miss Greta! My name is Said. I am twelve years old and I live in Idlib. Before the war I went to school and I studied English. Now my school is destroyed by the bombs and I repair the cars to buy something to eat for my mother and my small sister. I know that you don't like the cars because they destroy the climate in your country and I am sorry very much that I repair the cars. But I never wanted to steal your childhood. I put in my letter three dollars for you. Now you can buy something to be happy. I hope you will excuse me now.

When you will grow up I invite you to visit my town if the war is already over. Now our house is destroyed too but you will be always welcome here.

God bless you,

Said Mansur

Syria, Idlib, Fylon road, green tent near the car-workshop of Mr. Ibrahim Nasib.”

Афро-азиатский интернационал нищеты молча выслушал текст письма до самого конца и, когда кенийка умолкла, вдруг разом взорвался неудержимым гомерическим хохотом и раскатом покатился со смеху со скалистых гор, с заросших лесами холмов, из джунглей, саванн и пустынь: когда-то очень давно, еще тогда... и они тоже...

И столь же наивными были детьми.

**В ОЖИДАНИИ
ВЫСТРЕЛА**

Комедия в одном бездействии

БЕЗДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бенефисов - статист, потерявший надежды

Дебютов - статист, подающий надежды
Городовой (за сценой)

Гостиная в стиле русской усадьбы из классических пьес 19-начала 20-го веков. В левой стене распахнутая входная дверь, в правой стене закрытое окно, на задней стене висят ружье и патронташ, портреты важного мужчины и видной женщины, написанные в манере Боровиковского или Левицкого. В центре сцены ковер, на ковре длинный стол, окруженный по периметру стульями.

За столом сидят Бенефисов и Дебютов. На обоих костюмы из тех же классических пьес, но в совершенный разнобой, а у Дебютова на руке и вовсе современные часы.

Бенефисов сидит с самым беспечным ви-

дом, словно он один. Дебютов сидит как на иголках, ему не терпится завязать разговор, и он пытается привлечь внимание Бенефисова, но тот каждый раз меняет позу, чтобы не встретиться с Дебютовым взглядом. Наконец Дебютов не выдерживает и встает, он делает круг по гостиной, не оставляя при этом попыток обратить на себя внимание, однако и тут Бенефисову удается то вовремя передвинуть свой стул, то пересечь на соседний, так что в итоге Дебютов остается ни с чем. Тогда он бросает затею, еще раз обходит помещение, останавливается у одного полотна, у другого. Все это время Бенефисов не спускает с него глаз.

Дебютов подходит к ружью, долго рассматривает его со всех сторон, после намеревается снять со стены.

Бенефисов. Не прикасайтесь!

Дебютов (прячет руки за спину). Почему это?

Бенефисов. Просто не прикасайтесь.

Дебютов. Как вы думаете?..

Бенефисов. Молчите!

Дебютов. Молчать?

Бенефисов. Молчите, ради бога!

Дебютов. Почему это я должен?..

Бенефисов (скороговоркой). Что говорить, когда нечего говорить? Что говорить?..

Дебютов. Как это что?! Здесь ружье висит на самом видном месте, а вы, говорите: что говорить?

Бенефисов. Да, здесь на самом видном месте висит ружье.

Дебютов. Вот в связи с этим возмутительным фактом, я бы хотел узнать ваше мнение...

Бенефисов. Какое еще здесь может быть мнение?! Если в первом акте на стене ви-

сит ружье, оно непременно выстрелит.

Дебютов. Непременно?

Бенефисов. Обязательно.

Дебютов. А если?..

Бенефисов. Нет.

Дебютов. А вдруг?

Бенефисов. Выстрелит.

Дебютов. Но зачем? И кому, помилуйте, здесь стрелять? Вот вы... Вы вот... Вы будете из него стрелять?

Бенефисов (выкладывает на стол пистолет). И не собираюсь.

Дебютов. Что?! Зачем это вам? Хотите меня напугать? Немедленно уберите!

Бенефисов. Я хочу вам показать, что мне есть из чего стрелять и без этого допотопного ружьишка. (Громко.) И еще я хочу, чтобы все об этом слышали!

Оба прислушиваются, не будет ли

хоть какой-нибудь реакции извне на заявление Бенефисова.

Дебютов. Однако, согласитесь, что это никуда не годится... Приглашают в гости приличных людей и развешивают на стенах ружья, словно мы дикари какие-то из Абрекии... Или еще кто-то должен быть?.. Что скажете? Я полагал найти здесь приятное общество... И уберите, бога ради, ваш пистолет!

Бенефисов. Я понимаю не больше вашего.

Дебютов. Тогда зачем вы пришли сюда с оружием?

Бенефисов. Опыт. Сын ошибок трудных... Уже попадал в подобные передраги... С провинциалами всегда так... уж поверьте... У них всегда ружья на самом видном месте... Иногда сабли... и кинжа-

лы... У одного помещика как-то гостил, так у него две мортиры во дворе стояли... Прямо у парадного крыльца...

Дебютов. Тоже выстрелили?

Бенефисов. Нет, но приятного все равно мало... Только вообразите, подкатываете вы к дому в коляске таким манером... Весь, можно сказать, на чувствах... Весь что-то вроде в эмпиреях на предмет пулярки, пуншу да партии в штос... Дочка хозяйская опять-таки... Такой, знаете ли, бонбончик весь из себя... А тут такое безобразие... Образованному человеку сразу ясно, чем вечер закончится... Я оттого с собой пистолет теперь всегда беру... Для самообороны... (Хватается за пистолет и угрожает им невидимому врагу.) Уж я не дам этим прохвостам себя подстрелить!

Дебютов. Зачем же надобно устанавли-

вать мортиры, коль они не стреляли?

Бенефисов. Для экспозиции... Там потом в залах столько арсеналов нашлось... Целую дивизию можно одним залпом укокошить...

Дебютов. Целую дивизию?

Бенефисов. Ну почти...

Дебютов. И чем все закончилось? Так почти целую дивизию и укокошили?

Бенефисов. Какая там дивизия... Пара бродячих комедиантов... Но крику было... Жандармский следователь приезжал... собака...

Дебютов. Значит, это ружье непременно выстрелит?

Бенефисов. Непременно.

Дебютов. А что, если поставить сюда жандарма или хотя бы городского до того, как ружье выстрелит, а не после? Он вот здесь встанет и будет стоять... И

следить за порядком... Или лучше прямо вон там, рядом с ружьем, чтобы никто и думать не посмел.

Бенефисов. Однако городской тоже вооружен...

Дебютов. И это говорит тот, кто пришел сюда с пистолетом... Уберете вы его, в конце концов?!

Бенефисов. Ваша правда... Городской или жандарм - это дельная мысль... Возможно, в присутствии городского поостерегутся палить почем зря... К тому же третий персонаж существенно уменьшит наши шансы пасть жертвой...

Дебютов. Простите, как?.. Я вас не понимаю... Что значит?..

Бенефисов. То и значит. Судите сами, - сейчас нас только двое, а значит, это пятьдесят на пятьдесят... в процентном выражении... Попросту - или вы, или я...

Дебютов. Я вам не позволю из меня убийцу делать! Я вам не какой-нибудь Раскольников... Еще чего! Я не собираюсь ни в кого стрелять...

Бенефисов. Раскольников, насколько я помню, тоже ни в кого не стрелял.

Дебютов. Это потому, что у него ружья не было. Думаете, этот субъект усомнился бы хоть на секунду, если бы в дворницкой ружье висело, а не допотопный топор?

Бенефисов. Вы говорите, да не заговаривайтесь, - ружье под пальто не спрячешь...

Дебютов. Бывают такие ружья, которые куда угодно можно спрятать... Я давеча в лавке у одного жида видел... Контрабанда из Сиона... Новая модель... Очень удобно... И в ту же петельку под левую мышку изнутри... Снаружи - ни за что не

догадаешься... Вот так подвешиваете как следует, потом прямиком направляетесь к одной старушечки... Да что там к одной! Хоть в дом престарелых идите и в нужный момент - трата-та-та!..

Дебютов демонстрирует, как следует выхватить из-под полы пистолет-пулемет и сделать очередь веером.

Бенефисов. Да-а... я вижу, вы совсем не разбираетесь в оружии...

Дебютов (усаживается). Что вы, вовсе нет... Это я так, вообще... Только в качестве примера широты человеческой мысли...

Бенефисов (прячет пистолет в карман.). Я, пожалуй, действительно кликну городского. Хоть одной живой душой больше будет...

Бенефисов подходит к окну, открывает его.

Бенефисов (кричит). Э-эй! Караул! Эй!

Городовой: Что?! Кто кричал?! Нарушать?!

Бенефисов. Это я. Это я кричал.

Городовой. По какому вопросу крик?

Бенефисов. Любезный, не могли бы вы подняться на пару минут?..

Городовой. По какому такому вопросу?! Что там у вас случилось?

Бенефисов. Пока ничего не случилось, но обязательно случится... Поэтому во избежание предстоящего, скажем так, кровавого происшествия, мы вас приглашаем подняться и постоять здесь некоторое время, последить за порядком...

Городовой. Не положено. Не имею таких

прав покинуть вверенный мне участок. Вот когда случится, тогда - завсегда с превеликим удовольствием.

Бенефисов. Любезный, к чему этот официоз? Можно постоять у окна... Отсюда прекрасный вид на ваш участок... А за предотвращение... Ладно, чего уж там скрывать, за предотвращение смертоубийства, вас пренебреженно наградят... Сам лично буду ходатайствовать...

Городовой. Да что там у вас стряслось?

Бенефисов. У нас на стене ружье. И оно обязательно должно выстрелить.

Городовой. Какое ружье?

Бенефисов. Как какое? Какие еще бывают ружья? Самое обычное...

Дебютов (подсказывает). Охотничье. Ружье охотничье. Двустволка.

Бенефисов. Ружье охотничье. Самое обычное охотничье ружье... Двустволка.

Городовой. Выходит, теперь у вас уже целых два ружья...

Бенефисов. Любезный вы мой, да какая разница, столько их... Важно предотвратить. А мы вам окажем всеобщее содействие...

Городовой. Когда ваши ружья намереваются выстрелить?

Бенефисов. Точно не скажу. Обычно все происходит где-то ближе к концу...

Городовой. Тю-ю, к концу... Так к концу я уж сменюсь давно.

Бенефисов возвращается к столу.

Бенефисов. Не хочет идти, болван... Плохо дело... Видно, нам вдвоем придется...

Дебютов. Нет, и не говорите! Я не собираюсь ни в кого стрелять! И потом, может быть, все-таки кто-нибудь еще при-

дет?.. Ближе к концу...

Бенефисов. А если вдруг не придет? Я не понимаю, почему еще никого нет... Уже давно пора...

Дебютов. Вам-то к чему волноваться? У вас пистолет всегда наготове.

Бенефисов. Ну вы-то тоже... Видел я, как вы в оружии не разбираетесь... А что если и у вас где-нибудь что-нибудь эдакое припрятано? Знаю я таких, которые из себя гуманистов строят. Таких, знаете ли, человеколюбив... а потом раз! - и караул кричать поздно...

Дебютов. Повторяю вам, я не собираюсь ни в кого стрелять. Вот можете сами посмотреть, что у меня ничего нет.

Дебютов выходит из-за стола, распахивает полы сюртука.

Дебютов. С таким нелепым покроем тут ничего не спрячешь... Вот смотрите... Что, убедились? Так-то. Я покамест не завел привычки ходить по гостям во всеоружии.

Бенефисов. Еще успеете... Если, конечно, выберетесь сегодня живым...

Дебютов. Вы снова хотите меня напугать! Отдайте мне ваш пистолет! Нет. Мне тоже не надо. Положите его под ска-терть. Или лучше - под ковер. Где-нибудь в углу...

Бенефисов. И не подумаю.

Дебютов. Тогда предлагаю заключить меж нами миролюбивый союз. Я чисто-сердечно заверяю вас, что не собираюсь стрелять ни в вас, ни в любого другого и, со своей стороны, прошу... нет, требую... я требую, чтобы и вы, с вашей стороны, также не стреляли в меня. Что скажете?

Бенефисов. Ну что же, мне по душе ваше предложение... Лично против вас я ничего не имею... Но, предупреждаю, если вы хотя бы прикоснетесь к этому ружью, клянусь памятью безвременно ушедших коллег, я прострелю ваш модный сюртук без малейшего сожаления. Дебютов. Прекрасно! Пусть так и будет. Позвольте пожать вашу руку.

Они церемонно раскланиваются и обмениваются рукопожатием.

Дебютов. Как хорошо, что все наконец разрешилось. Когда вы достали пистолет, я, признаться... опешил... А уж когда вы представили мне вашу математическую модель... Ух! Вся жизнь, как говорят художники, пронеслась пред глазами...

Бенефисов. Вы мне тоже, чего там скрывать, поначалу не понравились... Вопросы разные... Висит себе ружье и висит... И пусть себе висит... Нас это касаться не должно, а он, думаю, все одно интересуется... К чему бы такая любознательность?.. В наше-то время... (Тянется за пистолетом.) Решил таким образом предупредить, как говорится.

Дебютов. Уберите его сейчас же! Что за манера? Я интересовался с одной только целью, чтобы завязать с вами беседу... дружеский разговор...

Бенефисов. Какой разговор?! Какая еще беседа?! Вы должны были просто сидеть и молчать. Видите же, что вокруг нас никого нет... Только я один... и ничего не происходит... Сидим и молчим...

Дебютов (садится). О чем?

Бенефисов. Да хоть о чем! О чем угодно...

Вам что, молчать не о чем? Молчали бы хоть бы о б...

Бенефисов бросает взгляд на портрет женщины, потом вдруг весь обращается к Дебютову, долго смотрит на него.

Бенефисов. А позвольте спросить, вы по какому поводу здесь пребывать изволите?

Дебютов. А вы?

Бенефисов. Я просто шел мимо... Дай, думаю, зайду... А вы?

Дебютов. Меня пригласили на чай. Сегодня утром пришла горничная с запиской. Сказала, от Марьи Ивановны. И знаете, странное дело, - я никакой Марьи Ивановны сроду не знал, а тут - записка... Духами пахнет... В общем, решил

пойти, коль пригласили...

Бенефисов. От Марьи Ивановны? Не от Мурмуровой?

Дебютов. Совершенно точно.

Бенефисов. Так вы, достопочтимый мой, номером ошиблись. Здесь 1-й Императорский тупик, а вам нужен 7-й.

Дебютов. Не может быть!

Бенефисов. Уверяю вас. Это должно быть усадьба Фамусова, или дом Городничего, или гостиная Самсон Силыча, или дом Железновой... Что-то вроде того...

Дебютов. Не может этого быть... Обождите-ка... (Он достает сложенную записку, долго разворачивает ее, принюхивается.) Все еще пахнет... Так... вот... Действительно, похоже на единицу... но одновременно на семерку... без черточки... Что за корявый почерк? А пахнет все-таки хорошо... (Убирает записку,

встает.) Поскольку все выяснилось, разрешите откланяться. Рад был нашему знакомству. Надеюсь, в следующий раз мы с вами увидимся в более... точнее, в менее вооруженной обстановке...

Бенефисов. Вы теперь не можете вот так вот взять и уйти.

Дебютов. Почему это?

Бенефисов. Потому что такие правила... законы...

Дебютов. Какие еще законы? Что вы выдумываете?

Бенефисов. Я же еще выдумываю! Да это классика! Это любой школяр знает! Те же законы, по которым ружье должно в конце выстрелить. Из-за вашего любопытства и болтовни мы с вами стали главными персонажами. А главный персонаж не может взять и просто уйти. Такие правила. Только ногами вперед.

Сами же и виноваты... Кто вас просил о ружье спрашивать? Посидели бы тихо, а потом также тихо ушли... И как бы и не было нас вообще... Дальше без нас бы как-нибудь разобрались... Вы третьего могильщика помните?

Дебютов. Нет.

Бенефисов. То-то же... И никто не помнит... Ни его самого, ни его звания... Ни-че-го. А он, между прочим, был... И есть. И есть. И до сих пор он есть только потому, что вперед не лез и рта не раскрывал... И лицом не торговал...

Дебютов (падает на стул). Значит, уйти нельзя?

Бенефисов. Нет.

Дебютов (встает). А если?..

Бенефисов. И не пытайтесь... Впрочем... как хотите... Но знайте, что после вас не пустят на порог ни одного приличного

храма. Хуже того, - вас не пустят даже к Мурмуровой! Все будут показывать на вас пальцем. Вот он, скажут... вот тот, кто нам всю вечерню испоганил... Поставите на жизни крест. Уверяю вас. Какой там «третий могильщик»! В самом лучшем случае будете далеко в саду стучать топором по дереву... одиноко и грустно...

Дебютов (медленно опускается на стул).
Уйти иль не уйти? - вот в чем вопрос. Что благороднее: сносить ружье и пули или сбежать от моря бедствий? Не противясь ускользнуть... Пойти ль поспать? Быть может, со всем покончит сон... Забуду я душистую записку в руках застенчивой румяной недотроги с персями полными томленья... Мечтанья юноши, сомненья... (Пауза.) Скажите, а что там у Мурмуровой? Почему это вдруг «даже у Мурмуровой»?

Бенефисов. Там обычное кабаре с канканом и прочим непотребством... Очень, надо сказать, живенько... Народу много, так что можно остаться незамеченным... Иногда кормят... Иногда даже наливают...

Дебютов. Боже мой! Боже мой, сейчас я мог бы быть у Мурмуровой!

Бенефисов. А иногда очень хорошенькие попадают... очень даже... Такие, знаете, розанчики... Из подающих надежды...

Дебютов. Какая глупость... Как можно иметь такой ужасный почерк?..

Бенефисов. Да-а... потом, смотришь, а она уж и не подающая, а среди первых... А потом и среди самых первых... А потом свой дом... каменный... А дальше - больше: «Ах! Боже мой! что станет говорить княгиня Марья Алексевна!» Таких уже

никакое ружье никогда не возьмет...
Такие сами...

Дебютов. Что мне княгиня? Что мне
ваша княгиня? Я все же пойду. (Он ре-
шительно встает и выходит из-за стола.)
В неизвестную страну. Засну. Стряхну зем-
ные тяготы с себя. И сном своим прерву
живучесть бедствий долгих и замыслов
великих длинный путь.

Бенефисов. Прощайте.

Дебютов. А вы? Вы остаетесь?

Бенефисов. Да.

Дебютов. Но вас убьют. Подстрелят как
зайца из двуствольного охотничьего
ружья.

Бенефисов (достает пистолет, кладет на
стол). Это мы еще посмотрим. Живым я
им не дамся.

Дебютов. Тогда вы сами станете убийцем.

Бенефисов. Что ж...

Дебютов. Обагрите руки кровью.

Бенефисов. Нет. Пистолет тем и хорош, что руки всегда остаются чистыми.

Дебютов. Но сердце? Душа?

Бенефисов. До конца жизни я буду верить в то, что это была печальная необходимость. Это как если бы не Раскольников пришел к старухе с топором, а она сама к нему пришла с двумя топорами.

Дебютов. В его пенале с двумя топорами не очень-то разбежишься...

Бенефисов. Вот потому он и смог отразить нападение. После чего, отняв у старой ведьмы один топор, зарубил ее.

Дебютов. И сестру ее Лизавету за компанию...

Бенефисов. Да! Да! Именно так! И сестру ее Лизавету Ивановну... А что делать? Они вдвоем ходят и долги у студентов выбивают.

Дебютов. В вашем нагане семь патронов. Один в старуху, один в Лизавету. Еще пять человек можете спокойно, как вы выражаетесь, укокошить.

Бенефисов. Я вижу, вы совсем не разбираетесь в оружии... У меня еще и запасной барабан есть. Так что меня одним двуствольным ружьишком не взять. Придется постараться. Еще увидим, кто станет зайцем...

Дебютов. Интересно было бы посмотреть...

Бенефисов. Так оставайтесь.

Дебютов. Нет. Лучше я пойду. Всего хорошего. Не промахнитесь.

Бенефисов. Прощайте.

Дебютов выходит.

Оставшись в одиночестве, Бенефисов садится, придает себе самую независимую

позу, но потом спохватывается, встает, делает круг по гостиной, останавливается у одного полотна, у другого, подходит к ружью, рассматривает его со всех сторон. Возвращается к своему месту за столом.

Бенефисов. Что же делать, когда нечего делать? Что делать, когда нечего делать? Что делать, когда нечего делать? (Пауза.) Сбежал. Каков подлец! Что делать, когда нечего делать? Нет, каков подлец! Подлец человек! Но... пусть! Всё это не то... Делать теперь что-то надо, а я начать не умею... А не делать, так говорить... Но что говорить, когда говорить тоже нечего? (Скороговоркой). Что говорить, когда нечего говорить? Что говорить, когда нечего говорить? (Обходит стол, будто выбирает себе более подходящее

место.) И зачем, зачем я здесь?! (Пауза.)
Что говорить, когда говорить?.. Я ждал
найти здесь высокое общество... Что го-
ворить, когда?.. Ее увидеть... краем гла-
за... хоть краем глаза... я хотел ее уви-
деть... В малиновом берете... или без...
Что говорить?.. Заснуть. Стряхнуть зем-
ные тяготы с себя. И сном своим пре-
рвать живучесть бедствий долгих и пре-
кратить великих мыслей путь... (Пауза.)
Что говорить?.. Это совершенно невоз-
можно. Настоящий скандал... Не могу же
я все вытянуть на себе... Нет, я - не
против, я всегда готов подменить, но
следует заранее предупреждать... Как же
так?.. Я уж все позабыл за давностью... за
древностию лет... (Громко декламирует.)
«Где, укажите нам, отечества отцы?!»
Нет, что-то не то... Где?.. Где?.. (Декла-
мирует громче.) Где нам укажете, отечес-

тва отцы?! (Прислушивается, декламирует еще громче.) Что нам укажете, отечества отцы?! (Прислушивается.) Черт бы их, - не дают ответа... (Пауза.) «Ужасно как хочется есть! Так немножко прошелся, думал, не пройдет ли аппетит, - нет, черт возьми, не проходит». (Кричит.) «А подать сюда Землянику!» (Прислушивается.) Черт знает что такое. Где же остальные? Почему никого нет? Так нельзя... (Кричит.) А подать сюда Яичницу! (Прислушивается.) «Это уж просто подло. Никто не хочет идти». (Кричит.) Осип! (Прислушивается. Кричит.) Петрушка! (Прислушивается.) Тишина... Словно нет никого... Словно я один в этом мире... Как же так? Как так можно? Как можно так? Никого... Уехали... Все уехали... все... уехали... Ольга, Маша, Ирина... Иветта, Лизетта, Мюзета, Жан-

нетта, Жоржета. (Садится за стол.) «Про меня забыли... Ничего... я тут посижу...» (Бормочет что-то, чего понять нельзя.) «Жизнь-то прошла, словно и не жил...» (Ложится головой на стол.) «Я полежу...»

Вбегает Дебютов видит Бенефисова, останавливается в испуге, на цыпочках подходит ближе, прислушивается к его дыханию.

Дебютов. Что за соня! Да полно спать! Бенефисов (садится прямо). Вы здесь? Опять? Видно, вас не пустили к Мурмуровой... А ведь я предупреждал...

Дебютов. Нет. До Мурмуровой я так не доехал: на пересечении со 2-ым Императорским извозчик наскочил на другого извозчика так, что не расцепить... И началось: кричат, сквернословят... Собра-

лась толпа. Нас окружили зеваки, бесплатные советчики, которым было нечего говорить... Точь-в-точь как вам... В общем, поднялся шум немалый. Потом явился городской... И вдруг он спрашивает меня о двуствольных ружьях, и не случилось ли еще смертельной жертвы, потому что ему не хотелось бы упустить такой случай получить награду за здорово живешь... Вы помните, что обещали ему ходатайствовать лично?

Бенефисов. Я солгал...

Дебютов. Солгали?

Бенефисов. Всего лишь маленькая хитрость, чтоб заманить бездельника сюда...

Дебютов. Как бы там ни было, я вижу, что еще не конец...

Бенефисов. Вы пришли удостовериться, что трупа еще нет? Каков гуманист!

Дебютов. Уверяю вас, что я пришел

только по просьбе городского. По его настойчивой просьбе... Это он хотел удостовериться...

Бенефисов. Тогда передайте ему, что ружье еще не выстрелило. Ни один из стволов. Но развязка уже близка, так что пусть будет рядом...

Дебютов. Я потрясен вашим мужеством. Впрочем, с пистолетом...

Бенефисов (протягивает Дебютову пистолет). Берите... Я вам его дарю... Теперь у вас тоже будет пистолет...

Дебютов (пятится). Нет, не надо... Не возьму... и не уговаривайте... Я не могу оставить вас здесь безоружным... Прощайте...

Бенефисов. Прощайте. Но лучшего вам пожелать не могу... И не буду желать, поскольку оно вам теперь без надобности. Сгинете в неизвестности.

Дебютов. Зато живой.

Бенефисов. Труп.

Дебютов. Но ходячий.

Бенефисов. Все равно - безвестный труп.

Дебютов. И пусть! И знаете что? Я буду стучать топором по дереву весело и задорно... Чтобы за версту слышно было.

Дебютов разворачивается и выходит с гордо поднятой головой.

Бенефисов. Опять сбежал... Трус... Каков трус!.. Вот она молодая смена... Нет бы умереть на сцене, как мы... в свое время... Уж коль пришел, а на стене ружье, так доигрывай до конца, не смей бежать... Каков трус! (Пауза.) А я опять один... В одиночестве... Стою и не ведаю, что дальше делать... Что делать, когда нечего делать?.. Что делать? (Пауза.) Не хочется

умирать... Совсем не хочется... А что делать?.. (Внезапно приставляет пистолет к уху.) «Дима?.. Знаешь, я не поеду... Да нет, хочу тебя предупредить: я вообще не еду... Раздумал... Да вот раздумал... У меня другие планы... Да, другое место... Нет, что ты. Где мне с тобой тягаться... Слушай, ты чем сейчас занимаешься?.. Да вот хочу тебя пригласить... На поминки... На мои... Да вот надоела. Или я ей надоел. Одно их двух... Короче, я приглашаю тебя на поминки. Ну да, по-соседски... Что, лень перейти улицу?.. Выпить? Конечно, будет. А как же?.. Придешь?.. Все, договорились».

Вбегает Дебютов.

Дебютов. Эврика! (Видит Бенефисова с пистолетом у виска, бросается к нему.)

Что это вы?! Что с вами?! Отдайте сюда вашу игрушку!

Дебютов хочет выхватить у Бенефисова пистолет, но тот не дается.

Бенефисов. «Да... Говорите, я вас слушаю... Говорите!.. Послушайте, мне не до шуток... Кто это?.. Кто звонит? Отвечайте!»

Дебютов. Да что это с вами?! Это я! Я!

Бенефисов. Зачем вы вернулись?.. А-а, вас все-таки не пустили к Мурмуровой даже на пушечный выстрел!.. Ха-ха-ха! И теперь вы пытаетесь вернуться... влезть хоть как-то... хоть куда-нибудь... хоть бочком... А вас предупреждали... «Учились бы, на старших глядя!»

Дебютов. Послушайте, вы... дядя!.. Я пришел к вам...

Бенефисов. С тем, чтобы сообщить пренеприятное известие: к нам едет ревизор...

Дебютов. Какой еще ревизор?

Бенефисов. Тот самый, который всегда едет... Ревизор из Петербурга... Инкогнито. И еще с секретным предписанием...

Дебютов. Не валяйте дурака... Это не ваша роль...

Бенефисов. Вы сами трусливо сбежали и теперь вы еще смеете меня учить?!

Дебютов. Я совсем не трусливо... Я к городовому ходил, чтобы...

Бенефисов. Сообщить ему пренеприятное известие, что награду за труп он не получит...

Дебютов. Э-э... Если рассматривать это под таким углом...

Бенефисов (указывает на углы). Да под каким не посмотри... Трупа там нет. И

драгоценностей Алены Ивановны вы там тоже не найдете... Ни грязных носков... Ни бахромы окровавленной... Все давно спрятано под большим камнем...

Дебютов. Вы бредите...

Бенефисов. А что вы хотите? Я все слова позабыл... Вы ходите туда-сюда, а я один здесь за двоих отдуваюсь... (Кричит.)

Есаул, где вас носило?!

Дебютов. Пока я шел к городовому, у меня в голове возникла одна затея.

Бенефисов. Докладывайте.

Дебютов. Ружье должно выстрелить?

Бенефисов. Непременно.

Дебютов. В конце?

Бенефисов. Ближе к концу.

Дебютов. А если ближе к концу ружья не будет?

Бенефисов. Но оно уже есть.

Дебютов. А если мы от него избавимся?..

Бенефисов. Избавимся?

Дебютов. Да, избавимся. Переместим его в другое место... Подальше отсюда... И пусть себе стреляет в кого угодно... где-нибудь там... звуком выстрела...

Бенефисов (бросается к Дебютову). Дорогой вы мой... Что же вы сразу?.. Гуманист! Гуманист человек! Мне и в голову не пришло...

Дебютов решительно идет к ружью.

Дебютов. Нужно выкинуть его в окно. Там и городской поблизости будет... А в конце узнаем, что оно, как и полагается, выстрелило... Имя жертвы... и так далее...

Бенефисов (направляет на Дебютова пистолет). Только не вздумайте со мной

шутки шутить.

Дебютов. Повторяю еще раз, я не убийца. И не самоубийца. И совсем не собираюсь ими становиться...

Дебютов снимает с крючка ружье, словно это не ружье, а гремучая змея, доходит до окна и с отвращением выбрасывает его, повторяет то же с патрон-ташем.

Все это время Бенефисов с пистолетом в руке пристально следит за его движениями.

Дебютов. Ну, вот и все. Дело сделано.

Бенефисов. Дорогой... дорогой вы мой! Вы нас спасли! Вы - наш спаситель. Позвольте, позвольте вас обнять. От всего сердца. (Обнимает Дебютова.) Теперь мы будем жить! «Мы будем жить. Проживем

длинный-длинный ряд дней, долгих вечеров; будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба; будем трудиться для других и теперь, и в старости, не зная покоя...»

Дебутов (вырывается из объятий). Нет уж, простите... Я больше не желаю ничего терпеливо сносить... Ни теперь, ни в старости, ни в... Не желаю, короче... И уберите пистолет. А лучше выкиньте и его тоже. Теперь-то он вам ни к чему. Хотя без разницы, я все равно уйду, а вы, как хотите... Можете продолжать тут размахивать вашим семизарядным наганом с запасным барабаном...

Бенефисов. Как уходите? А я? А я?! Что я буду делать здесь один? И к тому же без ружья! В такой ситуации, как порядочный человек, вы не можете... не должны оставить меня в таком положении... Вы

же порядочный человек?..

Дебютов. Э-э...

Бенефисов. Я вижу, - вы порядочный человек... Сразу увидел... С первого взгляда... Еще до того, как вы заговорили о оружьи. «О-о, это порядочный человек», - сказал я себе...

Дебютов. Рассчитываете, что я никогда не признаю того, что я непорядочный человек?

Бенефисов. Рассчитываю.

Дебютов. Вы правы. Я никогда этого не признаю. Но я все равно уйду. Я уйду как порядочный человек, который оказался здесь по недоразумению, и которого сейчас ждут совсем по другому адресу.

Бенефисов. Вас там не ждут.

Дебютов. Ждут.

Бенефисов. Нет. Вас там даже не заметят...

Дебютов. Ждут.

Бенефисов. Нет.

Дебютов. Зачем тогда приглашать? Специально посылать горничную. С персями полными... томленья...

Бенефисов. У Мурмуровой всегда так...

Дебютов. Вы это говорите, потому что завидуете... Да-да, вы сами с радостью поехали бы сейчас к Мурмуровой, но не можете из-за ваших дурацких принципов и правил, которые знает каждый школяр...

Бенефисов. Да, поехал бы, но не могу... Честь... Честь... Вы знаете, что это такое?.. Умереть на сцене...

Дебютов. Кажется, вы это уже говорили...

Бенефисов. И скажу еще... И скажу больше... Да, я пришел сюда, чтобы отвесить два-три поклона, принять у слуги бокал с

шампанским - на самом деле, с отвратительной газировкой - пожужжать чуть-чуть да и уйти незаметно. Но я нашел здесь ружье... И вас... И вы своими распросами...

Дебютов. Теперь вы точно повторяетесь...

Бенефисов. Да... Да, я повторяюсь. Я хочу вам напомнить, что это вы втянули нас в эту историю... А теперь вы в очередной раз бежите... А мне что делать? Что мне здесь делать одному и без ружья... Как мне теперь привлечь внимание? Я же все позабыл... Ни один монолог толком не вспомню...

Дебютов. Это вы тоже уже говорили...

Бенефисов. А что делать? Вы же молчите... Подайте хоть реплику... Мы теперь не можем просто сидеть сиднем и молчать... Нужно какое-то действие...

Дебютов. Мы ждем выстрел... То есть вы будете ждать выстрел...

Бенефисов. Молча?

Дебютов. Почему нет? Вам не о чем молчать?

Бенефисов. Это была моя реплика.

Дебютов. Теперь все одно. Вы будете многозначительно о чем-то молчать и ждать выстрел.

Бенефисов. Я вас застрелю.

Дебютов. Тогда вы будете сидеть и молча ждать выстрел с трупом посередь комнаты. Только и всего...

Бенефисов. Ваша правда... (Пауза.) У вас есть часы?

Дебютов (сверяется с наручными часами). Сколько должно быть?

Бенефисов: Ближе к концу...

Дебютов. Уже совсем скоро. Вам недолго осталось ждать.

Бенефисов. Тем более... Посидим вместе, любезный вы мной... Перекинемся в карточки... Скажем, партию в штос на скорую руку... Ружье тем временем выстрелит, и мы, побросав все, побежим выяснять подробности... Хороший выйдет финал... А потом на пару закатимся к Мурмуровой... Я с удовольствием представлю вас тамошним дамам... Там, знаете ли, такие... иногда попадаются...

Дебютов (снова сверяется с часами). Ладно... Но в карты с вами я играть не стану...

Бенефисов. И не надо... Мы просто многозначительно посидим...

Дебютов. Так уж и быть...

Бенефисов. Вы золотой человек... Уважили старика...

Бенефисов разворачивает стулья

так, чтобы сесть лицом к зрительному залу.

Бенефисов. Извольте. Присаживайтесь, где вам будет удобней...

Дебютов (садится). Не премину.

Бенефисов (садится). Последую вашему примеру. (Пауза.) Как вы думаете, а кто там станет жертвой?..

Дебютов. Да какая разница...

Они молча сидят и ждут выстрел...

В окно вдруг влетает патронташ, за ним следует ружье.

Они медленно поворачивают головы в сторону ружья.

ЗАНАВЕС

Раздается звук выстрела.

Обложка:

автор фотографии - Klaus Baltus

источник - [pexels.com](https://www.pexels.com)